

630
БИБЛИОТЕКА ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА

ОТВЕТЫ ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА

I.

П Р А Г А 1 9 2 9

Издание Об'единения Вольного Казачества

53604

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Страница	Строка	Напечатано:	Следует читать:
12	11 сверху	славами	словами
27	4 снизу	ето	это
30	9 сверху	дожен	должен
31	16 сверху	русской	русскую
33	21 снизу	основання	основания
33	4 снизу	Москви	Москвы

Кроме того на стр. 53 подпись должна быть: *Группа Донских Казаков (Париж)*, как в оглавлении.

06

10

53604

6630

I.

НАШ ОТВЕТ ГЕН. А. БОГАЕВСКОМУ

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

Львівська обласна бібліотека
Львівська обласна бібліотека

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От редакции	3
1. За что казаки умирали? <i>Ген. Стариков, Т. М.</i>	5
2. Два мира. <i>Шамба Балинов</i>	13
3. „Донские Испанцы“. <i>Группа Донских Казаков</i>	37

Львівська державна
наукова бібліотека

№ 4552

ОТ РЕДАКЦИИ.

Проповедь государственной независимости Казачьих Земель встречает со стороны всех русских партий злобное и непримиримое отношение. Такое поведение сторонников русского централизма если и не оправдываемо, то во всяком случае понятно. Но непонятны злоба и отрицательное отношение к идее государственной независимости Казачьих Земель со стороны некоторых групп и отдельных лиц казачьей эмиграции. Особенно странным и неоправдываемым является такое отношение со стороны казаков, стоящих во главе казачьих конституционных государственных установлений и учреждений. Но с таким явлением, к сожалению, до сих пор приходится встречаться. Так, напр., „много раз уже — в личных разговорах с казаками, в письмах и в казачьей печати“ ген. А. Богаевский выступал против Вольного Казачества, порицая и опорачивая, как идею казачьей независимости, так и лиц, ее проповедывающих.

Возражения противников самостоятельности Казачьих Земель всегда стары, стереотипны и сами по себе весьма неубедительны. Но, когда такие возражения исходят из уст и из под пера того, кто находится на наивысшей ступени казачьих государственных установлений, это придает им особое значение. В таких случаях тем, против кого они направлены, необходимо должным образом на них откликаться.

Руководящими идеями Вольного Казачества являются основные положения Конституции Всевеликого Войска Донского. Эти идеи ген. А. Богаевский в своем выступлении на страницах „большой русской печати“ называет предательскими идеями, а стремление Казачества к самостоятельной государственной жизни считает бреднями. — На этом, публично высказанном отношении ген. А. Богаевского к идеям Донской Конституции и к жизненно необходимым стремлениям Казачества, мы будем в дальнейшем строить свое отношение к нему, как Атаману.

В своих выступлениях, даже и в отношении самых ревностных

служа как чужим интересам, Вольное Казачество старалось избегать употребления таких „сильных“ слов, как изменники, предатели, продавшиеся и пр., ибо полагало, что казаки, находящиеся в чужих политических таборах, есть всего лишь люди, иначе понимающие благо Казачества и пути, к этому благу ведущие, но не предатели, изменники, продавшиеся... Но противники Вольного Казачества из казаков, подражая своим господам, на различия в политических убеждениях смотрят не так и в выражениях не стесняются. Не перенимая полностью способов их полемики, Вольное Казачество все же впредь, в необходимых случаях, будет отвечать своим противникам в их тоне, не взирая ни на положение оппонентов, ни на величественность идеи воссоздания „Единой Неделимой“, на службу которой они так упорно стремятся снова запретить Казачество.

Приступая к изданию ряда отдельных брошюр под общим названием „Ответы Вольного Казачества“, мы будем в них касаться, главным образом, тех вопросов и случаев, какие противники казачьей независимости, пользуясь услугами всей русской прессы, излагают и освещают их в духе этой прессы и во вред Казачеству. Само собою разумеется, что выводы и заключения наших ответов не предназначаются для наших противников из русского лагеря (их, ведь, не переубедить!), а для тех многих и многих пострадавших — и в страданиях продумавших все уроки казачьей истории — донцов, кубанцев, терцев и других казаков, которые чувствуют негодность и бессмысленность дальнейшего „сожительства под общей крышей“ и ищут новых путей для Казачества.

Настоящая брошюра охватывает собой часть тех материалов, какие поступили от донцов в Объединение Вольного Казачества в связи с выступлением ген. А. Богаевского против Вольного Казачества на страницах русской монархической газеты „Возрождение“.

Вольные казаки Дона.

Ноябрь 1929 г.

Прага.

ЗА ЧТО КАЗАКИ УМИРАЛИ?

В № 1522 газеты „Возрождение“ напечатана статья „Казачество и «самостийность»“, подписанная А. Богаевским, присоединившим свой голос в зарубежной русской прессе ко лжи, распускаемой ею против В. К.

А. Богаевский в своей статье утверждает, что казаки никогда не считали себя чужими в России и не стремились к полной самостоятельности. Он пишет, что в гражданскую войну „сама жизнь заставила казаков отделить свои Края от советской России и объявить их самостоятельными государственными образованиями... Полнее всего эта временная самостоятельность выразилась в Донском Войске, где был даже свой денежный станок, не говоря уже о своем гимне, флаге и печати.“ Констатируя эти неоспоримые моменты из недавнего прошлого казачьей истории, ген. Богаевский неожиданно заявляет, что тогда — „даже слабая проповедь самостийности являлась прямой изменой общему делу...“

Дальше А. Богаевский говорит о том, что „казаки желают, чтобы будущая государственная власть относилась с уважением к их историческому прошлому и особенностям их быта. Они хотят, чтобы в каждом Войске был выборный из своих казаков Атаман, Войсковой круг“ и т. д. Была бы, таким образом, казакам дарована автономия.

Разберемся во всем этом в том порядке, в каком изложены выписки из статьи.

Казаки до 1671 года жили самостоятельным государством. Государство было столь прочным, что в течение весьма долгого времени его не могли разрушить ни турки, ни татары, ни Москва.

Прочность государства казачьего и его мощь обуславливались широкой свободой его населения, полным равенством всех его членов, беспредельной любовью Казачества к своей Земле, защищаемых доблестью казачьей.

Московское же государство, наоборот, окрепло только тогда, когда создана была в условиях рабства неограниченная власть. Москва и Казачество были полной противоположностью друг другу, с разным укладом жизни, с разной психологией, с разными мировоззрениями.

При столь глубоком различии не могло произойти органического объединения этих двух государств, соединения двух народов в один. Наоборот, различие их природы вело, как мы знаем, к жестоким конфликтам, к кровавым столкновениям между ними (смутное время, Разин, Булавин, Пугачев).

Утратили казаки самостоятельность только после того, как Москва стала сильнее их и путем голодных блокад, угрозой войны и пр. заставила их, наконец, присягнуть себе (1671 г.). Но мысль о самостоятельной жизни не исчезала на Дону и после приема присяги. Подтверждением этого служит восстание Булавина, деятельность войскового атамана Ефремова, полковника Грузинова и др. Казаки всегда противопоставляли себя России, всегда говорили: „У нас на Дону, у вас в России, мы — казаки, вы — русские“. Говорят так, сознавая различие, и до настоящего времени.

Правда, в силу сложившихся обстоятельств, не все казаки в последнее время думали о самостоятельном государстве. Все же оставалась мечта, которая глубоко жила в Казачестве — создать Войсковой Круг и выбрать своего Атамана, добиться таким образом, восстановления своего народоправства.

Вопрос о Круге, об Атамане считался естественным, не подлежащим даже обсуждению. Иначе и быть не могло, ибо казаки прекрасно знали и глубоко верили, что только свой Круг, свой Атаман могли отстоять их права, их интересы, так жестоко нарушенные Императорской Россией.

Вот почему на первом же Общеказачьем С'езде вопрос о Круге, о своем казачьем Атамане не возбуждал никаких сомнений. И, между прочим, только по этим причинам казаки приветствовали революцию. Они уже не пошли бы усмирять русский народ, как сделали это в 1905 г. Революция, как казалось, и Казачеству несла освобождение.

Но вскоре она показала обратную свою сторону. Солдатская масса разбежалась с фронта, политические партии вступили друг с другом в жестокий бой за власть, страна закружилась в вихре пожаров, грабежей, предательства. Народ забыл о государстве. Всю эту страшную действительность понял Донской Атаман Каледин на Московском Собрании. Уже тогда им было принято решение об образовании самостоятельного государства Дона и вместе с ним Юго-Востока России.

Надо было уже спасать не Россию, как он раньше думал,

а свой Край, свой народ от разбушевавшейся и обезумевшей стихии севера. Вскоре он объявил на Войсковом Круге о самостоятельном существовании Дона. Круг приветствовал это решение, ибо он понимал, что только самостоятельное существование спасет Казачество от той анархии и от того дикого разгула убийц, которые гуляли на севере, что только самостоятельное бытие может сохранить жизнь Казачеству. Такое понимание не являлось-ли подтверждением того, что казаки чувствовали себя в России чужими и резко клали грань между собой и русскими?

Фронтное Казачество не поддержало тогда ни Круга, ни Атамана. Оно полагало, что московская власть признана всем русским народом, что она является властью государственной, которой поэтому следует подчиниться, как раньше подчинялись Времен. Правительству. К тому же она несет свободу и равенство, т. е. как раз то, о чем всегда мечтали казаки и за что всегда боролись.

Но ошиблись фронтовики. Московская власть обманула их. Она несла Казачеству тиранию.

Поняв это, Дон восстал. Собрался Войсковой Круг и снова объявил Дон самостоятельным государством. На этот раз были созданы Основные Законы Всевеликого Войска Донского, изложенные в Конституции, создана присяга, гимн, флаг, печать и свои деньги. Атаманом в это время был ген. Краснов, а председателем Правительства ген. А. Богаевский, который теперь уверяет, что все это было создано на время „впредь до...“

В. А. Харламов, как председатель Круга, т. е. глава законодательного Донского органа, также говорил о временности самостоятельного существования Дона, „пока до“, но он ведь давнишний член общероссийской кадетской партии, и как стало ясным в эмиграции, вел на Дону политику как раз удобную этой партии. Он использовал самостоятельное бытие Казачества в партийно-политических интересах, ничего не имеющих общего с самостоятельностью Дона, и в силу политических интересов своей партии уверяет, что о самостоятельном бытии Дона „никто серьезно не думал.“ Но и Богаевский, устами которого должен говорить не свитский генерал, а прежде всего Донской Атаман, утверждает теперь то же самое. Выходит, что Конституция и гимн составлялись, а присяга приносилась как будто „на время“.

Но почему же тогда, когда шла борьба, когда гибли десятки тысяч людей, эти ответственные лица ничего не говорили о „временности“ Донской Республики? Зачем это скрывалось от казачьей массы? Очевидно, только затем, что тогдашнее правительство Дона знало, что Казачество все свои силы, весь пафос борьбы и свои головы отдаст только за свое Отечество — Дон, объявленный самостоятельным государством; что Россию

защищать от новой власти оно не пойдет; наводить там порядки не станет, ибо оно по 1905 году знало, что все это значит. Тогда ведь казаков называли изменниками за то, что они защищали Российское государство от анархии и развала. Теперь нас называют изменниками, но уже за другое, а именно за то, что мы защищаем свое государство, которому присягали и которое защищали с оружием в руках.

Казаки могли признать в 1917—18 г.г. существовавшую тогда государственную советскую власть, признанную русским (великорусским) народом и бороться за общую для всех „свободу“, как сделали это те красные казаки, которые сражались против нас в рядах Думенко, Буденного, Миронова. Эти казаки ошиблись: проповедь большевиков о свободе, равенстве и самоопределении народов оказалась ложной. Вместо обещанного самоопределения народов создали единую Советскую Россию, вместо свободы — тиранию.

Казаки же, шедшие за Войсковым Кругом, боролись за Дон. За его самостоятельное государственное бытие. Доказательством этого, между прочим, служит известная „пограничная болезнь“. Казаки тогда решительно отказывались переходить границу Дона, говоря, что они не желают бороться с русским народом, который признал Советскую власть. „Русский народ признал советскую власть — говорили казаки — подчинился ей, дал силы для борьбы на всех фронтах и в том числе против нас, казаков. Так зачем же мы будем вмешиваться в его жизнь, зачем силой и своей кровью навязывать России те порядки, которых не хочет сам же русский (великорусский) народ? Пусть он живет, как он хочет, а мы — как знаем“.

Вожди Дона доказывали, что Казачество может жить только тогда спокойно, когда уничтожит Советскую власть, ибо она никогда не может помириться с вольным, свободным Казачеством. Вот почему казаки решились в конце концов (1918 г.) идти на Москву. Многие офицеры думали тогда, что иного выхода нет. Но они шли не завоевывать Москву, не спасти ее, а уничтожить засевшего в ней своего врага.

Неужели бывшим вождям Казачества был тогда нужен, как и теперь, не свободный Дон, а освобожденная от большевиков Россия? Непонятно только, почему же тогда Донское Правительство посылало на Украину, к германскому императору, в Париж посольства и добивалось признания Дона самостоятельным государством. Что же, и это была игра? Зачем же тогда понадобилось создавать Конституцию, присягу и прочее? Когда же была ложь со стороны бывших вождей Казачества — тогда или теперь? Или ложь была и тогда — и теперь?

Первый пункт Конституции гласит: „Всевеликое Войско Дон-

ское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства“. И точка. Никаких пояснений и примечаний к этому параграфу нет. Законодатель — Войсковой Круг — не сказал, что он мыслит самостоятельность Дона временно. Донская присяга начинается словами: „Обещаюсь честью донского казака перед всемогущим Богом и перед святым его Евангелием и Честным Крестом... быть верным и неизменнопреданным Всевеликому Войску Донскому, своему Отечеству“. Дон принял эту присягу, приняли ее и полки, сражавшиеся за Дон на фронте. Никому, честно и прямо мыслящему, и в голову тогда не могла придти мысль, что эта присяга временна! Зачем же от нас, воинов, ливших кровь за Дон, потребовали эту присягу? Неужели только для того, чтобы связав нас присягой, заставить класть свои головы в действительности не за то, чему присягали? — Какая страшная трагедия для тех, кто верил тогдашним вождям, и как преступно лгали эти вожди!

Ген. А. Богаевский чувствует это. Поэтому, говоря в своей статье о том, что „полнее всего временная самостоятельность выразилась в Донском Войске, где был даже денежный станок... гимн, флаг, печать“, ничего не сказал о принятых Кругом Основных Законах, которыми Дон безоговорочно признавался самостоятельным государством. Ничего не сказал он и о присяге, т. е. о самом важном, о существе вопроса. Говорить о гимне и печати, но ничего не сказать о Конституции и присяге, это значит ничего не сказать. Но, очевидно, и сказать то нельзя, ибо нельзя же в самом деле говорить против того, на основе чего он сам был избран Атаманом и чему он сам присягал. Отрицать Конституцию, это значит отрицать свое атаманство. Нельзя ему утверждать и то, что казаки приносили присягу на время, ибо он знает, что клятва — не контракт, временем она не измеряется. Она вечна. С отречением Императора Николая II от престола и бегством Врем. Правительства присяга им потеряла силу, но присяга своему отечеству, своему народу, силы потерять не может пока народ — Казачество — существует и пока он не освободил их от данной ему присяги.

Положение в высшей степени серьезно. Надо или признать Конституцию и данную присягу, или отвергнуть их. Мы, вольные казаки, стали на первый путь. И за это ген. А. Богаевский со всей русской эмиграцией называет нас изменниками.

Прав ли Богаевский, обвиняя нас, пусть решит само Казачество. Мы же считаем своим долгом, своей честью выполнить присягу и защищать свою Конституцию, защищать Казачество от рабства, от истребления, которому оно теперь подвергается.

Ген. А. Богаевский утверждает, что „тогда на Дону даже слабая проповедь самостийности являлась прямой изменой“. Но непо-

нятно, каким же образом проповедь эта могла казаться кому-нибудь изменой, если Казачество служило и дало присягу самостоятельному Дону. Такую же присягу принимал и Донской Атаман. О какой же измене можно говорить и кто мог проповедывать идею самостоятельного Донского государства, если эта идея была уже осуществлена?

Ген. А. Богаевский противопоставляет самостоятельному бытию Казачества автономное его существование. Он пишет, что „казаки хотят, чтобы в каждом Войске был выборный из своих казаков Атаман, Войсковой круг, который бы решал свои местные дела сам“. Но он ничего не пишет о том, как же добиться такого положения. А если никакая власть в России не захочет дать таких прав Казачеству? Мы решительно убеждены, что не даст. Не может добровольно возвратить поработитель те права, которые он раз уже отнял, при чем, отнимая, залил Казачьи Края кровью, уничтожил свыше половины их населения. Со стороны Москвы это была государственная система, а не каприз отдельных, хотя бы и коронованных, особ. Москва, в начале XVIII ст. стала перед вопросом — или уничтожить Казачество, или подчинить его своей воле, дать ему свои законы, свои порядки. Теперь повторилось буквально то же самое. Та же Москва решила, что казаки являются более опасным врагом, чем даже немцы, что покорить их, подчинить себе, надо во что бы то ни стало. Она уничтожила половину служилых казаков, залила Дон кровью точно также, как это когда то сделал Петр I. И сделала это народная власть, во всяком случае признанная великорусским народом, господствующая в России и до сих пор.

Две, как будто противоположные по духу, но родственные по методам управления власти поступили с Доном одинаково. Два полюса русской мысли нашли, что Казачество надо или подчинить или уничтожить. Но может быть среднее направление российской политической мысли поступило бы с казаками иначе? Может быть у ее представителей мог бы быть на нас другой взгляд? Но по тому короткому опыту, когда Россией правило полусоциалистическое Вр. Правительство, мы можем судить о том, что сделала бы с нами и демократическая российская власть. Глава правительства, вождь революции, А. Керенский, только на основании нелепых слухов, приказал мобилизовать два военных округа против Дона и потребовал от Донского Казачества, ни больше ни меньше, как выдачи первого избранника донского Казачества — Атамана А. М. Каледина. И только старый, воскрешенный Казачеством лозунг: „с Дону выдачи нет“ спас и честь Войска и жизнь его Атамана.

Собралось, наконец, Учредительное Собрание, которое должно было дать России новые основные законы, новый государст-

венный строй, заложить новые основы бытия Российской державы. Казачество именно в силу своих исторических заслуг рассчитывало на внимание. Но председатель этого высокого учреждения заявил, что „Казачеству придется потесниться“. А ведь это был вождь сильнейшей тогда в России партии — социалистов-революционеров, глава Собрания, призванного дать незыблемые законы стране, которые должны были вывести Россию на новый исторический путь и создать новые взаимоотношения между народами, населявшими б. Российскую Империю. Этот путь в отношении Казачества намечался словами: „Казачеству придется потесниться“. Под этими словами скрывалось то, что у казаков отняли бы часть земель для поселения на них выходцев из центральных губерний, отобрали бы уголь, нефть.

Вот какой курс намечался в отношении казаков! Теснила нас царская власть, душит советская, не стеснялась с нами и демократическая власть. Но дух русского (великорусского) народа не ужился с демократической властью и бросился в крайность, к большевицкой тирании и теперь прекрасно уживается с нею.

Ген. А. Богаевский говорит, что казаки желают, чтобы будущая власть относилась с уважением к их историческому прошлому и к особенностям их быта. Вот и все, чем думает он добиваться автономии Дона. И это при условии отрицательного отношения русского народа к Казачеству? Нельзя забывать, что различие в природе Казачества и русского (великорусского) народа осталось и это различие неизбежно приведет к новым и новым столкновениям. И будет это продолжаться до тех пор, пока Казачество живет под одной кровлей с Великороссией. Русский народ ненавидит казаков именно за прошлое, а Богаевский думает, что русская власть во внимание к этому прошлому предоставит казакам автономию, посчитается с особенностями. Нет, особенности наши нам не помогут, история тоже. Поможет нам одно единственное средство: принять все меры, наперечь все силы к тому, чтобы стать свободным, независимым казачьим государством и жить своими головами. Самостоятельность и только она одна даст нам возможность установить такие законы, которые соответствовали бы нашей казачьей природе, историческому укладу жизни, нашему казачьему разуму, нашим духовным свойствам и интересам Казачества. Но эту государственную самостоятельность нам никто добровольно не даст. Ее надо самим взять.

Что теперь делается в СССР, мы прекрасно знаем. Мы знаем, как и каким именно способом разрушается до основания весь жизненный уклад Казачества, с какой дьявольской последовательностью и упорством идет уничтожение всего Казачества, даже имени, даже песни. И кто же это делает? Только ли

большевики? Не русский ли народ, который господствует в наших Краях, издевается над всем святым для нас?

Казачество гибнет. Мы стоим перед страшным вопросом: жить или умереть Казачеству?

Мы отвечаем — жить. И нет той жертвы, которую бы мы не принесли во имя спасения Казачества!

Мы не можем жить надеждой на милость русского народа, как живет ею ген. А. Богаевский. Эта „милость“ проявлялась к нам много раз и особенно страшно два раза: при Петре I и при большевиках. Эти „милости“ должны гореть перед нашими глазами огненными славками и никогда не забываться.

Генерал Стариков, Т. М.

ДВА МИРА.

„Нет! Если кровь нам проливать,
Так лучше за себя, дешевле нам
Свобода обойдется, чем неволя“...

*

„О, научись, свой род и племя любить!“...
(Ф. Шиллер. — Вильгельм Телль).

1. Две русские „нации“ и Казачество.

На двух силах держалась быв. Российская Империя: темная, верная и выносливая крестьянская масса и дворянство.

„Теперь всякому ясно, до какой степени эти силы были чужды друг другу... дворянство видело в народе дикаря;... народ смотрел на господ, как на вероотступников и полунемцев. Было бы преувеличением говорить о взаимной ненависти, но можно говорить о презрении, рождающемся из непонимания.“¹

„Что связывает нас с ним (народом)? — спрашивает Куприн устами героя своего рассказа „Стрекоза и Муравей“. И отвечает: „Ничто. Ни язык, ни вера, ни труд, ни искусство.“

„В довоенной России интеллигенция, чиновничество, офицерство, помещики, купцы, фабриканты были для народных масс иностранцами, говорящими на чужом языке и живущими чужой жизнью... Русское образованное общество в России было в том же положении, что англичане в Индии... Оно находилось на положении чужеземных властителей в завоеванной стране... Ему было в высшей степени свойственно глубоко и бессознательно презирать русские народные массы...“²

„Не одну нацию составляет наш русский народ, а две совершенно самостоятельные и друг от друга независимые, две нации со своей культурой, своими слоями общества, которые живут

¹) „Современные Записки“, кн. 39.

²) Гольденвейзер-Любимов. Да здравствует Эмиграция.

каждая своей жизнью... Мы для него являемся чужими, людьми другого мира, другой нации. Оттого, что мы культурны? Нет, оттого только, что именно другие... Русское дворянство является продуктом скрещения самых различных кровей, самых различных национальностей. Мы давно уже перестали быть русскими. Мы создали новую рассу. В этой рассе имеются и культурные и некультурные слои, имеется своя культура, литература, свой язык, своя религия, которые также непохожи на литературу, язык, религию так называемого народа, как действительно уже совершенно другой нации. Пушкина не поймет никогда крестьянин, он ему будет всегда чужой... Мы случайно живем на одной территории, но мы разные люди по национальности... Естественно, между этими двумя национальностями имеется налицо вражда, которая понятна им, но почему то мы боимся признать; является борьба двух рас; они многочисленнее и менее европейцы, мы малочисленны, но вооружены знанием. Кто в конечном итоге останется победителем? Вернее всего не мы, потому что до сих пор не желаем понять, что расовая война ведется столетия...¹

...„Психология у них собачья: бьют их — они тихонько повизгивают и прячутся по своим конурам, ласкают — они ложатся на спину, лапки кверху и виляют хвостами“ — характеризует А. П. Чехов русский народ, массу.

...„Набивают себя грошевыми истинами, обрызганными кусочками затхлой мудрости, и существуют как чулан, в котором скупая хозяйка хранит всякий хлам, совершенно ненужный ей, ни на что негодный... Дотронешься до такого человека, отворишь дверь в него, и на тебя пахнет вонью разложения, и в воздух, которым ты дышешь, вольется струя какой-то затхлой дряни... Эти несчастные люди именуются людьми, твердыми духом, людьми принципов и убеждений. И никто не хочет заметить, что убеждения для них — только штаны, которыми они прикрывают наготу своих душ“, — характеризует М. Горький русскую интеллигентскую „нацию“ устами своего героя Ежова.

...„Народ — негодяй, и тупая злобная скотина... Кнут, палка и ежовые рукавицы — только это одно и признает и только этого он и достоин. Это — дикий зверь какой-то, подлый трус, нежелающий защищать отечество, вор, грабитель и убийца“, — с нескрываемой ненавистью и презрением кричит на русский народ русский „патриот“.²

...„Что вы сделали? Не жизнь вы сделали — тюрьму... Не порядок вы устроили — цепи на человека выковали... Душно,

¹) Ив. Хвостов. Русло жизни, стр. 154—155.

²) Родионов. Жертвы вечерние, стр. 12.

тесно, повернуться негде живой душе... Погибает человек... Душегубы вы... Понимаете-ли вы, что только терпением человеческим вы живы? Вы сделали жизнь? Кто вы? Мошенники и грабители... Вы не жизнь строили — вы помойную яму сделали! Грязищу и духоту развели вы делами своими. Пятак — ваш бог! А совесть вы прогнали... Чужой силой живете, чужими руками живете! Сколько народу кровью плакало от великих дел ваших... Не в огне, а в грязи кипящей варить вас будут, — с меньшей ненавистью и презрением кричит на купцов-„патриотов“ русский мужик устами Горьковского Фомы Гордеева.

Так сами русские люди разделяли русский народ на два сорта — „нации“: „нацию“ интеллигентскую и „нацию“ крестьянскую, между которыми лежит глубокая, непроходимая пропасть, историческое и абсолютное непонимание друг друга, разно-происхождение и „разностояние“. Эти две „нации“ являются еще и непримиримыми социальными врагами, между которыми на протяжении вековой истории происходит жестокая борьба.

Кто в этой смертельной схватке победит? „Кто в конечном итоге останется победителем? Вернее всего не мы, потому что до сих пор не желаем понять, что расовая война ведется столетия“ — рассуждает русский интеллигент.

Пророчество сбылось. Случились „великая бескровная“, а затем и „великий октябрь“. Столетняя монархия и великий мистический „Белый Царь“, являвшийся единственным связующим элементом народов б. России, рухнули, как карточный домик. Особа русского царя являлась той единственной скрепой, что механически об'единяла разноплеменные народы под крышей Империи. Когда эта скрепа рухнула, Россия распалась на основные свои части и народы зажили своей самостоятельной жизнью, занялись устройством своего дома. Только русская крестьянская „нация“ увидела свое значение не в устройстве своего дома, а в уничтожении своего векового врага, в безудержном разрушении и, почуяв свободу и безнаказанность, занялась уничтожением русской интеллигентской „нации“, остаток которой грубым пинком сапога выбросила за родной порог, как ненужный хлам.

В этой катастрофе малые, так называемые „неисторические“ народы, в том числе и Казачество, были залиты кровью, в борьбе „за свой порог и угол“ потеряли огромный процент своего населения, множество духовных и материальных ценностей, наконец, свою государственную независимость. В результате этой катастрофы на чужбине оказались эмиграция русская („сливки русского общества“) и эмиграции других народов, в частности, Казачества. Но между ними огромная разница, как в их социальной природе, в их чаяниях и стремлениях, так и в отношении к ним великорусского народа и Казачества.

Для великорусского народа его эмиграция является, как это бесспорно устанавливают сами же русские публицисты и русская литература, социальным и „национальным“ врагом. Это обстоятельство находит блестящее подтверждение в письме „оттуда“ к эмигрантам: „мы вам не только не верим, но и боимся вас больше наших коммунистических врагов“.¹

В самом деле, кого и что из себя представляет эта русская эмиграция? Огромное большинство ее составляется из тех быв. людей, кои правили и володели быв. Россией: б. министры, губернаторы, крупные правительственные чиновники, партийно-политические деятели, представители дворянства, купечества, фабрикантов, помещиков, одним словом, весь „цвет“ русского общества, „аристократы духа“, которые в 1917—20 г.г. своими „реставрационно-реституционными поползновениями“ погубили чисто казачье, народное движение.

„Эти люди веками смотрели на Русь, как на доходное поместье, а на народ, как на толпу рабов... Освободительная война Казачества была использована ими для выгодных операций на хлебе русского крестьянина, на труде рабочего, на крови казака. Народ отшатнулся от них, и они сами отвергли себя“, — писала в 1920 году в Крыму газета „Донской Вестник“ — орган Штаба Донской Армии.

Для всех этих людей Родина это не есть географический, социальный и этнографический комплекс, именовавшийся Россией, со всем своим темным, забитым населением, со всеми своими дурными и хорошими сторонами. Для них Россия укладывается в какой-нибудь географический пункт: Москва, Петербург, где прошла их богатая, роскошная жизнь; или какая-нибудь другая земная точка, где находились их усадьбы, имения, разные „Благодатное“, „Вознесенск“, „Тархановка“, доставлявшие им личные богатства, жизненные блага; или же, наконец, крупные правительственные посты и общественно-политическое положение доставлявшие им и власть и славу.

Русский же мужик, которого они ненавидят, искренно презирают, русская Земля, которой они не знают, им нужны и дороги постолько, поскольку они являются неисчерпаемым источником их богатства, их власти.

Если же этого нет, то нет и Родины. Всякое иное положение для них является „торжеством хама“, о чем они говорят открыто: „Если же моя Родина превращается в страну торжествующего хама, то я продолжаю любить прошлое моей Родины и мечтать о ее будущем, но моей Родины в настоящем виде не люблю“.²

¹) „Последние Новости“, № 2782.

²) Гольденвейзер-Любимов. Да здравствует Эмиграция.

Это знают и русские мужики, которых этим самым так успешно пугают большевики.

Этих людей не трогала и не трогает тяжкая доля несчастного мужика, им не „дым отечества сладок“, а дорогá утраченная ими блестящая, богатая, красивая личная жизнь в Петрограде, Москве, утерянная власть и слава на 1/6 части света.

А казаки?

Вопреки утверждению некоторых казачьих „демократических вождей“, казаки являются, действительно, людьми из особого „теста“. По крайней мере особыми от русской эмиграции, к чему имеются тысячи доказательств.

— „Казаки, корнями своими глубоко уходящие в свою родную землю, веками воспитанные на принципе Свободы, Равенства, Братства, никогда не знавшие рабства, со своими народными традициями, обычаями, с особой психологией, мировоззрением, — со всей своей общественно-моральной, культурной физиономией составляют на самом деле тип людей, отличных от великоруссов. Казаки, где бы они не находились, духовно постоянно живут на своей Родной Земле, в Родимом Краю — на Тихом Дону, Вольной Кубани, Бурном Тереке, ковыльной Степи, — где они знают каждую пядь земли, с которой они связаны крепкими нитями казачьей крови и слез, с которой они духовно срослись и которая рисует яркие картины героического исторического прошлого Казачества. Одно слово „казак“ живой и крепкой нитью связывает всех казаков, роднит и сближает их, бодрит в тяжелые минуты жизни, одухотворяет и воодушевляет в борьбе“.¹

— „Мы любим свои Родные Края обостренной любовью: семьи, опрятные станицы, наши необятные степи, наше небо, наши реки, каждый куст и бугорок, ибо все это — Родина! Мы тоскуем величайшей тоской по нашей жирной, как каймак „гниной“, черной земле; нам нужен дух наших полей, наш воздух. И как бы ни были красивы чужие страны, нам их красота не нужна.“²

— „Мы на чужбине, но все мы живем мыслью о своей Родине. Все мы вновь страстно жаждем еще раз сразиться за освобождение своего Родного Седого Дона.“³

Врожденная любовь казаков к земле, к производительному, облегчающему душу здоровому труду на ней, сказала с самого начала пребывания на чужбине. С этой целью казаки в Юго-Славии собирались „сесть“ на Косовом Поле, заняться сельскохозяйственным трудом на земле. Правительство Юго-Славии было готово предоставить эту землю казакам.

¹) „В. К.“, № 34.

²) „Гол. Каз.“, № 18.

³) Ibidem, № 24.

Но русские „вожди“ всполошились: как, казаки сядут на землю, хорошо и безбедно заживут? Ведь у нас же, кроме казаков, нет воинов. Что мы будем делать без армии, с кем мы пойдем завоевывать Россию? От хорошей жизни казаков на войну не заманишь! Надо их держать в полуголодном, военном состоянии, тогда ими управлять будет легко.

Вот такая „опасность“ встревожила тогда русских „вождей“, вот почему они поспешили аттестовать казаков перед Юго-Славянским правительством, как дикарей, „от разбоя которых не будет житья местным жителям“¹ и тем сорвали хорошее для казаков дело.

Но тяга казаков к земле, к здоровому труду находит себе иные пути. Кто садится на землю во Франции? Кто создает колонию в далеком Перу? Кто работает в качестве сельских работников в Чехословакии? Везде и всюду казаки и еще раз казаки, за немногими единичными исключениями.

Это является подтверждением разности казачьих и русских эмигрантов. Казакам любо и радостно трудиться на земле. Русским эмигрантам противна „грязная работа на земле“, они люди „умственного“ труда, самую судьбою определенные „править и владеть“, их „святая“ обязанность печатать и издавать газеты и журналы, в которых вести бесконечные, никому ненужные „умные“ споры; создавать десятки и сотни организаций, ничего не делающих, никому ненужных, для того только, чтобы затем сказать: „шумим, брат, шумим“.

Эта разность русской и казачьей эмиграции подтверждается и разным отношением к ним „оттуда“: великорусского народа к своей эмиграции и Казачества — к своей. Первый не верит своей эмиграции и боится ее больше коммунистов.

А Казачество с надеждой и болью спрашивает: когда и на какую помощь мы можем рассчитывать? Обращаясь к Вам, как нашему Атаману, мы просим Вас... Сохранилась ли казачья сила за границей и что делается для того, чтобы ускорить час соединения с нами на Дону?²

„Там“ казаки думают только одну думу. „Вся политика казачья сводится к одному: какие же силы и когда свалят эту проклятую власть?“³

Так резко отличны желания и чаяния великорусского народа и Казачества.

Правда, на этот вопль истерзанного казачьего сердца, на этот крик изболевшей казачьей души Донской Атаман А. Богаевский с олимпийским спокойствием отвечает: говорить о Доне вне связи с Москвой — преступление и предательство. Нужно сна-

¹) „Вестн. Каз. Союза“, № 14—15.

²) „К. В.“, № 16—17. Письмо с Дона Донскому Атаману.

³) Ibid. № 10.

чала освободить Москву, а потом ей подчинить Казачество. Если сначала мы освободим Казачество, то оно не присоединится потом к Москве и не создастся „Единая, Неделимая Россия“.

Правда, Донской Атаман и в этом направлении ничего не делает, кроме посещений веселых банкетов. Он просит казаков ждать, пока придет барин.

К чему, мол, жаловаться на казачьи страдания, когда здесь лучшие русские „патриоты“ страдают не меньше казака!?

Конечно, в свое время Казачество даст достойную оценку подобному поведению своего избранника. Но, пока что, напрасны казачьи мольбы, обращенные к Атаману: его политическое воспитание, его социальная симпатия к русской реакции, его мироощущение, насыщенное выкристаллизовавшейся привязанностью к централистическому началу русского народа — являются роковой, непреодолимой каменной стеной между ним и истинными казачьими путями, путями свободного, независимого, равного Петрограду и Москве Казачества.

Атаман Богаевский является в казачьей среде лишним рупором той русской социальной разноплеменной группы, которая управляла Россией, ее именем в различных сферах, положениях, Краях, веками душила, неустанно эксплуатировала все народы б. Империи.

Столь же различны цели, устремления и ближайшие задачи русской и казачьей эмиграции.

Русские эмигранты стремятся не к великорусскому народу, не к России вообще, а к осуществлению своих партийных программ: созданию государства монархического, эс-эровского, эс-дековского. При том непременно „Великого“ государства. Им великорусский народ совершенно не нужен, ибо „мы знаем что Великороссия никогда не будет Великой Россией, а нам (всем трем) нужна Великая Россия.“¹

Это — их цель. А ближайшая задача — „деятельно“ ждать „добровольного“ падения Советской власти.

А казаки стремятся, рвутся к Родимым Краям, к станицам, семьям. Готовы сразиться за освобождение Родного Седого Дона, как и раньше „боролись не за трон императора, а за Дон и вольность.“²

2. Задачи казачьей эмиграции и ген. Богаевский.

Прошло уже 9 лет изгнания. В течение всего этого периода очутившимися без работы русскими политическими „отцами“ исписаны целые груды бумаг, устроены тысячи докладов, сотни

¹) „Возрождение“, № 1537, ст. кн. Волконского.

²) „Гол. Каз.“ № 25.

собраний на тему восстановления „Единой, Неделимой“, а „воз и ныне там“. И не сдвинется. Не сдвинется просто потому, что сама цель бесцельна: освобождать русский народ от русского же народа нельзя, восстанавливать невозвратное тоже нельзя.

Все эти русские „патриоты“ со всем своим опытом, знанием, ученостью, много лет уже работают „на холостом ходу“, ибо все они, изгнанные своим народом, лишенные живительных источников родной почвы, ненавидимые своим народом, люди духовно оскопленные, — пустоцветы. У них осталось только одно утешение — создавать себе „такое положение, при котором могут одобрять себя, даже гордиться перед людьми своим положением.“¹

Правда, и другие народы, в конечном счете, очутились под властью красной Москвы, а часть их на чужбине. Но они потерпели в трехлетней вооруженной борьбе поражение под двойным ударом — воинствующего московского коммунизма и воинствующих реакционеров в „белом стане“, и лишь отчасти вследствие предательства своих же братьев, временно увлеченных и обманутых фальшивой, но заманчивой проповедью о „равенстве, братстве,“ и о „рае на земле.“

После жестокого поражения на поле брани, побежденные подчинились насилию, но не прекратили борьбы. Многие представители этих народов, не подчинившись и не склонив головы перед красной Москвой, ушли на чужбину. В том числе и Казачество, со своими выборными Атаманами-Президентами, представительными и государственными учреждениями, Парламентами, армиями и гражданским населением.

Судьба эмиграций этих народов сложилась различно. Например, украинская эмиграция, вышедшая, в сравнении с казачьей эмиграцией, в худших материальных условиях, имевшая меньшую возможность в смысле развития полезной для народа деятельности, проделала огромную подготовительную работу по освобождению своего народа и воссозданию своего государства.

В одной только Чехословакии она организовала несколько высших и средних учебных заведений, научные учреждения, подготовила большой кадр действительно научноподготовленных национально-культурных работников, не ремесленников-спецов, а людей, любящих свой народ, свою Родину, готовых на служение ей отдать все свои силы и знания, готовых при первом удобном моменте дружным натиском разорвать цепь рабства своего народа.

Результатность, „урожайность“ усилий украинской эмиграции является следствием ясно поставленной цели и определенного пути украинского народа: и „там“ и здесь душа украинца поет в унисон, находится в полном созвучии — восстановление само-

¹) Л. Толстой.

стоятельности поработанной Родины. Все средства, все силы только для этой цели. Смысл жизни каждого украинца только в этом. Цель ясная, путь определенный...

А Казачество? Какие практически-полезные, реальные результаты у казачьей эмиграции после 9 лет пребывания на чужбине, при наличии созвучия настроений казаков и „там“ и здесь?

К стыду и несчастью Казачества — ничего. Что сделали, например, Донской Атаман и Правительство, имевшие большие возможности (хотя бы Донская казна!) в смысле подготовки культурного кадра казачьих деятелей? — Ничего!

Правда, помимо усилий Атамана и Правительства, благодаря великодушию Чехословацкого Правительства и общественности, сотни казаков получили высшее образование. Помимо того, инициативные и волевые отдельные казаки, преодолевая огромные трудности, получили соответствующее образование в других странах. Но огромное большинство окончивших высшие учебные заведения — только спецы своего дела, а не разбирающиеся в сложной действительности казачьи общественные работники.

Почему же так случилось, что в самое страшное время, в момент решения судьбы Казачества, когда от всех его сынов требуется максимальное напряжение мысли и воли, образованные молодые казаки стали больше „спецами“, а не пламенными борцами за лучшую долю, за свободу и волю истерзанного, систематически и беспощадно уничтожаемого Казачества? Конечно, они в свое время неизбежно придут к сознанию необходимости работать во имя Казачества, во имя его лучшего и свободного будущего. Но пока что они больше „спецы“. — Почему же так случилось?

Причин, конечно, много, но главные из них две:

а) дух эпохи, „практицизм“, „реализм“ Европы, если не отвергающей, то держащей в большом загоне идею, идеалы — удел, якобы, праздных, нежизненных людей;

б) полная беспутница Атамана, по своему долгу главы государства обязанного указывать и освещать путь казака, постоянно напоминать казаку о его сыновнем долге перед Казачеством, ясно и определенно, соответственно Донской Конституции, формулировать цели и задачи Казачества, с гордым достоинством защищать его интересы и призывать к тому же казаков.

Что же делает Донской Атаман в действительности?

Сидя на Кресле Донского Президента-Атамана, пользуясь авторитетом его и всеми вытекающими отсюда морально и материально выгодными последствиями, ген. Богаевский злым смехом смеется над самой идеей донской государственности, называет ее изменнической, предательской.

А политическая его программа, как общественно-политического деятеля?

„Российская Монархия-Республика“ — вот его программа. Вот чему служить, без конца служить, кровь лить, жизнь отдавать, всем пожертвовать призывает он казаков!

В силу очевидного извращения Донским Атаманом ясной, определенной (незыблемо вытекающей из Донской Конституции, основанной на ясно выраженной воле Донского Казачества) идеи; такого же бесцеремонного нарушения нравственного долга, покоящегося на торжественно данной присяге, — в души многих казаков вселились колебания, сомнения в святости казачьей идеи и данной присяги.

Эти усумнившиеся, не желая утруждать себя анализом, разбором такого поведения Атамана, вместе с тем, видя всю бесцельность его призывов о спасении от самого же русского народа, не существующей России, и не видя ясно поставленной казачьей цели и практической работы в этой области, временно отказались от казачьей общественно-политической работы и пошли по линии „спецов“, т. е. временно „забыли“ свой сыновний долг перед родившим их Казачеством.

В этом способствовании временному забвению своего долга многими казаками заключается тяжкая ответственность ген. Богаевского и ужасная трагедия Казачества, избравшего себе такого Атамана.

У Атамана Богаевского нет живой политической цели, казачьей политической программы, а есть постоянные, упорные попытки Донскую Конституцию и упрямую, непослушную, стихийно-кричащую и исторически-мудрую казачью психологию приноровить, приспособить под алчные, ненасытные аппетиты Москвы, Петрограда, аппетиты, облакаемые в многообразные „программы“ от права до лева.

Атаман Богаевский в своем забвении прав и интересов Вольного, независимого Казачества, в своем упорстве подчинить его Москве, является лишь звеном в той цепи казачьей старшины, которая ценою овладения огромной части казачьей земли, ценою приобретения дворянства, чинов и всякого иного „высокого“ положения, возвышения над Казачеством — предала свободу и интересы Казачества.

Вся помещичья земля на Дону, т. н. офицерские и чиновничьи земли — это цена предательства прав и интересов Дона. А через помещиков казачьи земли были переданы не-казакам, казачья земля была колонизована. Вот где корень появления неказачьих поселений, вот где корни такого ужасного, трагического явления, как то, что природные хозяева своей земли стали в меньшинстве на этой же земле. Социальное порабощение крестьянской массы в б. России, общее позорное бесправие в ней, дали возможность

казачьей старшине постепенно социально-политически поработать свое родное Казачество.

История казачьих помещиков (Ефремовы, Иловайские, Орловы, и т. д., и т. д.), т. е. „эволюция“ войсковой старшины даст раз'яснение оскудению, бессилию Донского Казачества. Донские казачьи помещики вырождались, проживались и земли их переходили к немцам, русским крестьянам и т. д... Разделяя участь российских помещиков, казачья старшина, в лице своих потомков казаков-помещиков и лиц, к ним причастных, слепо хватается за тот безвозвратно ушедший строй, порядок, с которыми некогда связывалась сладкая жизнь этой старшины. Эти бедные потомки некогда знатной казачьей старшины плохо разбираются в социальной и политической сущности своих политических тяготений...

Атаманы, приноровившиеся к Москве, Петербургу уже давно продали свое первородство. Атаманы же, не желавшие приноравляться и бросавшиеся на борьбу с Москвой, трагически, мученически погибали... Ат. Богаевский во всяком случае не принадлежит к последней категории атаманов. Взоры его обращены в мрак, в погибшее прошлое. Он, вопреки желанию и воли живого русского (великорусского) народа, призывает казаков к спасению мертвеца, когда-то его облагодетельствовавшего.

Перед Вольным Казачеством живая цель — задыхающееся в неволе Казачество. До его слуха ясно доходит страшный стон нравственно и физически терзаемых наших братьев „там“:

„Там все составлено из драм,
Там, что ни шаг, то драма.“

Перед взором Вольного Казачества далекие зарницы, которые могут вспыхнуть ярким лучом счастья и свободы всего Казачества.

Для ген. Богаевского Конституция Донского Государства — „предательская идея“, а присяга, данная им в качестве главы этого государства — временный контракт, который, при том, можно по произволу нарушать. Для Вольного Казачества Донская Конституция и присяга — высший закон; точно также для него бесспорно и не подлежит никакому сомнению положение: существовало Донское Государство; нормальный рост и развитие этого государства прерушены грубой физической силой, но оно ни на один момент не потеряло своего права на самостоятельное существование. И оно должно быть восстановлено. Это — цель.

В 1920 году, в Крыму, эта цель была сформулирована официальным органом Штаба Донской Армии — „Донским Вестником“ —

так: „Создание триединого казачьего Доно-Кубано-Терского государства, исторически связанного с древними казачьими республиками, уничтоженными Петром Первым“... и далее: „В феврале 1917 г. восторжествовали не изжитые Казачеством идеалы древне-русской вольницы. Ныне, очутившись в Крыму, Казачество не откажется от своего права на самоопределение“...

За эту идею и цель Врангелем был предан суду Командующий Донской Армией ген. Сидорин и разжалован в рядовые. Против этой же идеи ныне выступает сам разжалованный Сидорин. Какая ирония судьбы! Зачем нужно было ему идти на скамью подсудимых?

Такие же положения высказаны Донским послом ген. Черячукиным в 1919 году в коллективном заявлении, обращенном к державам Антанты: „Мы, представители Украины, Белоруссии, Дона и Кубани, пришли к глубокому убеждению, что вопрос государственного устройства этих четырех единиц может получить быстрое и надлежащее разрешение лишь путем отдельного осуществления начал государственности и порядка в каждой из них. Есть основание предполагать, что и другие государственные образования присоединятся к этой нашей формуле. И мы обращаемся, через посредство Высокого Командования, к державам Антанты с просьбою об оказании возможной помощи национальным стремлениям наших народов к укреплению уже создавшихся отдельных образований.“¹

А ведь Донской посол ген. Черячукин тогда действовал по прямому указанию ген. Богаевского, бывшего тогда Председателем Донского Правительства. Спрашивается — являлись ген. Черячукин и Богаевский предателями, добиваясь независимости Донского Государства и прося помощи от иностранцев?

Имеет-ли Казачество право на самоопределение?

Бесспорно имело и имеет, отвечает Вольное Казачество, как в 1920 году также категорически отвечал и Командарм Сидорин.

Нужно-ли добиваться этого самоопределения, бывшего действительностью в 1918—19 г. г.?

Безусловно нужно и должно, ибо только в этом спасение Казачества, отвечает Вольное Казачество.

Это будет изменой и предательством, отвечает Донской Атаман Богаевский вместе с б. Командармом Сидориным. — Казачество безусловно имеет право на самоопределение — продолжают они, — но делать этого не надо, потому что Россия, которую вы, казаки, должны спасти своей кровью, не захочет этого!

Пусть казаки сами посудят — где правда, где кривда!

¹) Марголин. Украина и политика Антанты.

3. Русские единонеделимцы и федералисты и Казачество.

Попробуем разобрать доводы за и против возможности осуществления двух разных целей: цели восстановления „Единой, Неделимой России“, к чему настойчиво призывает Атаман Богаевский и цели восстановления казачьих государств и создания единого Казачьего Государства, к чему зовет В. К.

Всякая цель в известной мере является проблемой, положительное разрешение которой зависит от многих причин. И в данном случае достижение той или иной цели зависит от многих причин как внутреннего, так и внешнего характера и никто положительно не может утверждать, что одна цель осуществима (при том в ближайшем будущем), а другая — утопия.

Посмотрим, в какой мере осуществима цель „Единая, Неделимая.“

Прежде всего, жонглирующие этими словами сознательно избегают определения точного содержания этого понятия. В прошлом в состав „Единой, Неделимой“ входили: большая часть Польши, Латвия, Литва, Эстония, Финляндия, ныне самостоятельно, полной национальной жизнью живущие, цветущие государства.

Хотят-ли их вновь завоевать русские патриоты? Для завоевания этих-ли государств хотят употребить они „славных казачков“, когда другой, способной для подобной „операции“ силы у Москвы нет?

Ныне в состав „Единой, Неделимой России“ под вывеской СССР, входят формально самостоятельные, но железным террором красной Москвы удерживаемые в подчинении, республики: Украина, Грузия, Армения, Казакстан и т. д. Горячими и пламенными защитниками их независимости являются народы этих республик „там“ (даже их коммунисты!) и их эмиграция на чужбине. И нет никакого сомнения, что при первом маленьком ослаблении власти красной Москвы, все указанные республики, часть которых уже имеют в своем активе международное признание, механически восстановят свою полную независимость.

Так что же? Эту ли „Единую, Неделимую“ хотят восстановить „патриоты“? Для подавления и завоевания этих ли республик хотят употребить „патриоты“ казачью силу?

Да, действительно, если Казачество единодушно станет на службу Москве, то будет представлять из себя очень серьезную угрозу существованию некоторых из указанных республик, а существование других будет чрезвычайно затруднено...

Вот почему „здоровое, трудолюбивое, привыкшее к порядку, казачье население... необходимо России“, как пишет Атаман Богаевский. Казачье население необходимо не самому Казачеству, а чаемой им России, и в силу этой необходимости казаки обязаны отказаться от своего права, от своего государства!

Неужели, после всего пережитого, Казачество снова, как раб, станет на службу Москве? Но тогда Казачество неизбежно, постыдно обратится в московских янычар, а богатство Казачьих Краев, общественно-политическое и хозяйственное руководство в них окончательно перейдет в руки москвичей, немцев, евреев и всех тех, кто в интернациональном российском болоте чувствуют себя, как рыба в воде. Нужно думать, что разум и совесть продиктуют Казачеству не быть уже больше позорным, слепым орудием Москвы, не быть совиновниками подавления народов, рвущихся к национальной свободе и самоопределению.

Таковы внутренние причины, в силу коих цель восстановления „Единой, Неделимой“ является поистине „бессмысленными мечтаниями“.

Но, быть может, имеются внешние, международные причины, которые могли бы способствовать восстановлению „Единой, Неделимой“? С этой стороны вопрос обстоит еще хуже. Ни для кого не секрет, что международная политика „делается“ так называемыми великими державами, у которых абсолютно нет никакого желания и охоты увеличивать свою семью воссозданием „Единой, Неделимой“, красноречивым подтверждением чего является 12-ти летнее упорное и равнодушное молчание этих держав по поводу происходящих на территории б. Империи „экспериментов“.

Итак, ожидание восстановления „Единой, Неделимой“ является мечтой, грезой „бывших“ людей из русской эмиграции; призывы ген. Богаевского — служить российской эмиграции — довольно жалкий самообман, детское самоутешение, чем усердно занимается вся русская эмигрантская пресса, все время выдавая чаемое за возможное, призрак и мираж поднося, как действительность.

„Слова, подобно монетам, от частого и долгого употребления тускнеют и стираются. Некогда яркие, ясно отчеканенные, они постепенно настолько сглаживаются, что лишь с трудом можно разобрать их «достоинства». «Река времен в своем течении» размывает и уносит бывшее живое содержание ходких слов, и они или употребляются опустошенными, пустопорожними, или же произвольно наполняются пестрым и противоречивым содержанием“.

Вот к категории таких „опустошенных, пустопорожних“ понятий относится понятие „Единая, Неделимая“. Она изжила свое время и нет таких сил, что способны воссоздать ее вновь.

Правда, для восстановления „Единой, Неделимой“ есть один способ, душе русского „патриота“ понятный и желанный. Это — путь кровавого террора — „корпус туда, корпус сюда“ и всюду воцарится тишь да гладь, да Божья благодать и над народами б. России победно взвоется двуглавый орел. При благоприятном для этого стечении обстоятельств этот способ может иметь вре-

менный успех, но на этом пути море крови и едва-ли кто станет на этот путь.

Ныне в сознание человечества все больше и больше проникает дух свободы, мирного сожительства, а не завоевание, подавление одних другими. Наша эпоха — эпоха самоопределения „малых“ народов, самоопределения, которое медленно, но верно, осуществляется.

С другой стороны, эти, так называемые, „малые“ народы дорастают до того сознания, когда ясно и отчетливо стали понимать свои кровные интересы и находят пути защиты их, так что лозунг „разделяй и властвуй“ становится уже средством устарелым.

Идея „Единая, Неделимая“ и в довоенном содержании и в содержании СССР — праздная мечта.

Но, помимо „единонеделимцев“, имеются так называемые федералисты, как казаки, так и русские. Имеется казачья группа, выбросившая нелепый лозунг „Российская Федеративная Демократическая Республика и Свободное Казачество в ней“, нелепый просто потому, что раз „в ней“, значит, не свободное. Нигде ничего не говорится — с кем и как федерироваться. Но ясно одно, что в этой федерации Казачество не будет равноправной стороной. Эта казачья группа даже не осмеливается говорить о равноправном казачьем штате в чаемой им Федерации. По ее мнению, Казачество в ней должно находиться на аплуа какого-то праздно-болтающегося, „свободно“-услуживающего.

Осуществима-ли вообще „Российская Федерация“? От имени кого и кому предлагают русские „федералисты“ федерацию и какие они имеют или будут иметь практические возможности для осуществления своей цели?

Для создания федерации необходимо наличие федерирующих единиц — самостоятельных штатов — государств, которые „вполне самостоятельно заключают между собою договор, как равные с равными“.¹ А для того, чтобы эти последние были — необходимо свержение советской власти. А что могут сделать в этом направлении русские „федералисты“? Ничего! Мало того, они не хотят ее свергать, боясь, что при вооруженном свержении большевиков народы („окраины“) могут добиться своей самостоятельности. Но, если даже они пожелали бы свергать большевиков, то не в состоянии что-нибудь сделать в этом направлении по причинам, не от них зависящим.

Прежде всего, „федералисты“ это — маленькая, изгнанная своим народом, кучка русских интеллигентов, неимеющих в народе ни сочувствия, ни поддержки, которые допускают федерацию только для некоторых национальных комплексов б. России, но

¹ Марголин. Укр. и политика Антанты, стр. 345.

не для Казачества, которому они милостиво „даруют“ „маленькую автономию“. Следовательно, Казачество, даже по мнению этой маленькой кучки „федералистов“, не входит в состав чаемой или „Федерации“, а остается в подчинении матушке-Москве, т. е. на побегушках у нее.

Но оставим это. Допустим, что они собираются создать свою „Федерацию“ без Казачества. Но осуществима-ли вообще действительная Российская Федерация в той форме и объеме, в каком ее мыслят русские „федералисты“ и теми методами и средствами, какие эти господа хотят применять?

„При наличии оттачивания народов СССР от Москвы; при наличии ясно определившихся центробежных их стремлений; при наличии твердо установившегося сознания у этих народов, что для всестороннего и нормального развития творческих их сил необходима полная независимость; при возможно большем, чем где-либо существовании большевиков в Великороссии — осуществление подобной Российской Федерации невозможно или почти невозможно“, — скажет всякий объективно мыслящий человек. И вообще, много-ли есть русских демократов, искренно верящих в осуществимость, по крайней мере в ближайшем столетии, демократической идеи, подлинного народоправства в условиях русской (великорусской) действительности?

И нет ни одной серьезной, обоснованной на историческо-экономических данных, причины, которая могла бы пробудить центробежные силы у народов, ныне томящихся в СССР.

Русские часто любят ссылаться на „русскую культуру“ и на „отсутствие естественных границ“. И то и другое, по их мнению, говорит в пользу подчинения Москве. Утверждающие так сознательно не желают понять очевидной истины, а именно, что казаки с восторженной радостью приемлют не только положительную русскую культуру, но и немецкую, английскую, французскую и др. культуры — эти достижения человеческого ума, его творчества, искания. И если в эту сокровищницу человеческого знания русские люди внесли свою заметную лепту, то они заслуживают и заслужили достойного признания всего культурного человечества. Но это обстоятельство не дает русским людям права требовать на этом основании подчинения себе народов, как и удивительная „периодическая система“ казака Менделеева не дает того же права Казачеству.

У всех народов СССР, ныне имеющих свои формальные советские республики, сильно развито национальное чувство и безграничная ненависть к большевикам, вполне основательно отождествляемых с русскими. И все эти народы, естественно, воспользуются малейшим ослаблением советской власти, немедленно освободятся от нее и восстановят свою полную независимость.

У великоруссов, в центральной России давно уже над всеми вопросами жизни довлеет вопрос социально-экономический: для крестьянина — земля, а для рабочего — фабрика. Земля была вековой мечтой крестьянина и он ее получил от советской власти. Та же власть дала рабочему фабрику.

Правда, земля не приносит сейчас крестьянину пользы и с землей он часто голодает. Но он ее хозяин, что психологически действует на него неотразимо. Власть одолевает его разными налогами, поборами, но это та власть, что дала ему землю. Власть давит крестьянина, гнет в бараний рог, но она избавила его от его векового врага — алчного помещика. Поэтому русский крестьянин, хотя и питает в настоящее время ненависть к большевикам, но у него в глубине души таится и некоторая доля благодарности к ним. И он долго еще будет горюю стоять за „своих“ большевиков, ибо „русский народ весьма медлителен в деле своего собственного спасения“.¹

Также верно, что „хозяин“ фабрики, „диктатор“ пролетариат и с полученной фабрикой часто голодает, но он хозяин, он „свободный гражданин свободнейшего в мире рабочего государства“ и в силу одного этого он — верный защитник власти, так его вознесшей. „Рабочий и не пошевелится, если перемена власти сулит ему меньше того, что он имеет при большевиках. А сознание его призванности и относительного превосходства по сравнению с другими классами... укрепилось в нем очень крепко. Сладость такого сознания скрашивает горечь бытия.“²

Кто же будет свергать советскую власть в Великороссии против этих двух сил: крестьянина и рабочего? Русская эмиграция?

Конечно, социальные вопросы существуют и у других народов и в конечном итоге именно они являются решающими факторами в человеческих взаимоотношениях. Но для других народов, входящих в состав СССР, в данное время не эти вопросы являются решающими, не они являются смыслом жизни, а вопрос освобождения от советской власти, вопрос национальный.

Казачество в борьбе с поработителями всего живого, свободного, потеряло до 50% своего мужского населения; цветущие казачьи станицы разрушены, процветавшее казачье хозяйство разорено, трудолюбивый хозяин-казак обращен в нищего.

Обостренное национальное чувство и сознание принесенных большевиками неисчислимых бедствий, являются главным стимулом борьбы народов с большевиками и они (народы), конечно, гораздо раньше освободятся от советской власти.

¹) „П. И“, ст. Е. Кусковой.

²) „Дни“, № 61.

Следовательно, для этих, ранее Великороссии освободившихся от большевиков, народов не с кем будет федерироваться. Или же „Российскую Федерацию“ они должны будут составлять без Москвы-Великороссии. Не поедут-же они, на самом деле, в Париж федерироваться с проф. Милюковым!

К слову сказать, у русских и казачьих „федералистов“ удивительная логика: федерация обязательна, при том непременно с подчинением Москве. Хочет или не хочет народ, но он обязательно должен федерироваться, а в противном случае: я тебе покажу! шапками закидаем!

Равноправное со-существование, а тем более самостоятельное, но мирное сожительство народов для русских „федералистов“ непонятно. Для них: или, или. Или подчинись нашей „Федерации“, или ты наш враг.

Отметим здесь характерное явление. Одно время в некоторых казачьих кругах была популярна проповедь: освобождение окраин, в том числе Казачества, а через них федерация. Иного пути, мол, нет. Но появились указания Керенского по партийной линии: преодолеть в себе соблазн освобождением окраин, ускорить падение большевицкой диктатуры в центре. („Дни.“)

П. Н. Милюков также по партийной линии дал директивы: освобождение должно исходить от Москвы, иначе окраины отпадут и „Великая Россия“ не создастся. („Последние Новости.“)

И казачья теория — через освобождение окраин к федерации — умерла.

Барин приказал — слуга подчинился!

Если бы казахи „теоретики“ были бы искренни и самостоятельны в своем поведении, они должны были бы, впредь, до освобождения Казачества, делать то же самое, что и В. К., идти вместе с ним до Казачьего Учредительного Собрания, где должна вывиться подлинная воля всего Казачества.

Но в том то и беда, что они только слуги своих партийных господ. И для того, чтобы прикрыть свое политическое убожество, эти казахи „теоретики“ сознательно пускают в оборот ложь, провокацию, выставляя вольных казаков предателями казачьих интересов, ненавистниками русской культуры и т. д.

Утверждающие так, по старой привычке, сознательно оскорбляют казаков, Казачество, ибо только дикарь, по своему невежеству, может ненавидеть культуру, цивилизацию, эти прекрасные плоды мучительных исканий многих тысяч человеческих поколений. Казаки с возмущением могут на это ответить, что они уже давно доросли до сознания, что вне культуры и цивилизации, без них в наше время немыслима жизнь, как отдельного человека, так и общества. Но они воспринимая всякую ценную культуру (очень много ведь есть не только бесценной, но отри-

цательной культуры), преломляют ее через призму своей казачьей души.

Неоднократно публично заявлялось и на страницах „В. К.“ писалось, что вольные казаки ненавидят только прошлые и настоящие русские порядки и русские вожделения на будущее. А для всякого ясно, что „русские порядки“ и русская культура без ковычек — различные явления. Вольные казаки ненавидят ту совершающуюся в настоящем и чаемую в будущем несправедливость, — народоненавистничество и шовинизм, обычно прикрываемые именем русской культуры. Казаки ненавидят ту русскую „культуру“, в силу которой Толстые отлучались от Церкви, Достоевские ссылались на каторгу.

Но казаки не могут ненавидеть русской культуры без ковычек просто потому, что в создании ее принимали участие представители всех народов б. Империи, в том числе и Казачество, как и теперь лучшими представителями русской художественной литературы, по крайней мере в эмиграции, являются не одни русские, а значительный процент этих представителей составляют, напр., евреи. Ценности русской культуры и вообще всякой положительной культуры, никто не отрицает, тем более не может ненавидеть. Ее положительными достижениями пользовались, пользуются и будут пользоваться все народы, как в свое время родоначальники русской культуры пользовались и теперь пользуются положительными ценностями культуры немецкой, французской, английской и т. д.

Также неправда, что вольные казаки ненавидят великорусский народ. Хотя сами русские „патриоты“ отказываются от этого народа, выдумывая новый, „Российский народ“, но вольные казаки знают, что великорусский народ есть и будет. Мало того, они верят, что придет время, когда освободившаяся от „патриотов“ и окрепшая Великороссия войдет в семью мирно сожительствующих народов, как равный с равным. Для этого она очистилась от той великодержавной интернациональной русской интеллигентской „нации“, которую так беспощадно выкинула из своих пределов.

Настанут более благоприятные времена, когда Казачество будет говорить с Великороссией о мирном сожительстве рядом без этих великодержавных посредников и несомненно найдут общий язык, общее понимание для братского и мирного сожительства рядом.

Вольные казаки ни к кому ненависти не питают. Они только защищают кровный интерес Казачества, его Правду. Если за это разные великодержавники ненавидят их, то это дело их понимания и совести.

Итак, из всего вышеизложенного вытекает, что „Российская Федерация“ — такая же мечта, как и „Единая, Неделимая“. Мало

того, если можно допустить, что „Единая, Неделимая“, при наличии вооруженной силы у Москвы, ценою кровавого подавления народов, хоть на время осуществима, то в отношении „Российской Федерации“ и этой теоретической возможности допустить нельзя. А самих русских федералистов правильнее назвать лже-или псевдо-федералистами.

Единственная маленькая русская политическая группа Чернова-Гуревича, являющаяся подлинно-федералистической, предана анафеме всеми другими русскими течениями, что является бесспорным доказательством лицемерия остальных русских „федералистов“.

Упомянутая группа, веря в мирное сожительство всех народов, освобожденных и свободных от великодержавных стремлений, провозгласила „самоопределение вплоть до отделения“ и совершенно верно говорит, что „Россию национальную, а не историческую, не только Лига, но даже большинство действительно шовинистических сепаратистов расчленять не собирается“.¹

На это поздние „патриоты“ в „священном“ негодовании кричат, что она (группа Чернова-Гуревича) идет на эту „преступную игру просто по совершенному безразличию к судьбам России“ („Дни“). Этим „патриотам“ непременно подавай Украину, Казачество, Кавказ, Закавказье с „татарской Казанью“, с „чувашско-мордовско-немецко-калмыцким Поволжьем и Заволжьем“, ибо без этих народов, по их же утверждению, „останутся только одни «кацапские» губернии“ („Дни“), что их широкую натуру не удовлетворяет.

Очевидно, что русские „федералисты“ являются такими же великодержавниками, как и откровенные русские черносотенцы-„патриоты“.

Но жизнь идет своим путем и „пока на палубе корабля разыгрывается битва, поток, несущий его, не останавливает своего течения!“

Правда, есть отдельные молодые казаки, искренно думающие создать действительную Российскую Федеративную Республику, куда, по их мнению, Казачество должно войти, как отдельный, со всеми равноправный, штат. Эти отдельные идеалисты сознательно закрывают глаза и упорно не хотят понять очевидной истины, а именно, что никто из русских за Казачеством этого права не признает.

Эти молодые казачьи федералисты любят спрашивать у вольных казаков: русские не примирятся с казачьей самостоятельностью, как вы желаете достигнуть своей цели против желания русских? Вольные казаки прямо отвечают: будем бороться всеми силами, вплоть до физической. Такой ответ их страшно пугает, ибо русских, мол, очень много, они сильны.

¹) „Вестник Лиги Н. В.“, № 2.

Но когда их совершенно резонно спрашивают, что ни одна русская партия не признает за Казачеством права на отдельный, равноправный с другими штат в будущей Российской Федерации, — как же вы то, против желания русских, хотите добиться равноправного казачьего штата, то они, обычно молчат и очень не любят выслушивать подобный вопрос.

И, действительно, трудно отвечать. Если скажешь: будем бороться за это казачье право всеми силами, то получится то же, что говорят и вольные казаки, т. е. бороться за казачье право со всеми, кто на него посягает, не взирая ни на что. Если же скажешь: будем просить и нам добрые люди дадут, то получится конфуз... Трудная позиция — и волков насытить, и овец сохранить.

4. Вольное Казачество и его цели.

Для Вольного Казачества Конституция и присяга — Альфа и Омега.

Восстановление Конституции и выполнение присяги для вольных казаков — нравственный долг. В этом колебаний и сомнений быть не может!

Но как возможно восстановление Конституции и создание Казачьего государства? — Какие внутренние и внешние основания, дающие возможность этого осуществления?

Внутренние основания: всеобщая и единодушная ненависть населения Казачьих Краев к советской власти и то определенное и твердое настроение „тамошних“ наших братьев, которое выражено в выше приведенных письмах с Дона Донскому Атаману.

Ни для кого не секрет, что большевики вырезают лучших людей всех народов, терзают и гноят их в тюрьмах, развращают и умерщвляют душу народную, деморализуют молодежь, оптом и в розницу распродают все материальные и культурно-исторические ценности.

Но под самым жестоким обстрелом этого безумия, в полосе самого сильного пламени этого „мирового пожара“ находится Казачество, живое тело которого разрезано на куски, лишено даже своего названия „казак“!

Идет долгая и систематическая „игра“ на истребление Казачества и там, действительно, „на одной стороне жертвы, на другой палачи. Кто не за жертву, тот становится на стороне палачей“.¹

Казачество эту „игру“ на своем живом теле ежедневно выносит, закованное в железные пута Москвы, но нет тех пут, которые удержали бы его от свержения своих палачей!

И не только одними этими мотивами руководится Казачество в своем стремлении к самостоятельности. Эти мотивы от чувств,

1) „Руль“, № 2617, Войтинский.

от страданий народных. Но Казачество руководится и мотивами от разума. Оно окончательно убедилось, что никакой „опекун“ добра ему не приносит, что свою свободу и счастье можно выковывать только своими собственными руками, своим разумом. Казачество пришло к выводу, что только при полном, ни от кого независимом существовании возможно нормальное развитие всех его творческих сил, развитие всех видов его хозяйственной деятельности, только при независимости возможно будет благоприятное и безболезненное разрешение и внутренних социальных вопросов.

Это убеждение кратко и ярко было сформулировано в органе Штаба Донской Армии в Крыму, в 1920 году — „Донском Вестнике“: „Какое нам дело до России? Хочет она себе коммуны — пусть себе живет с коммуной. Хочет царя — пусть наслаждается царем. А мы хотим жить так, как нам разум, совесть и дедовский обычай велят. Дай Бог нам снова вернуться на Дон, очистить его от коммунистической нечисти. Мы ошестинимся штыками, потребуем, чтобы нас оставили в покое“...

Таковы внутренние причины, заставляющие Казачество добиваться независимого государственно-политического бытия. Оно легче было бы достигнуто, если бы не вставляли палку в колеса свои-же, „бескорыстные“ служители Москвы. Может быть оно уже и было бы достигнуто, как достигли его другие народы, если бы в 1919 году, после свержения Атамана Краснова, Парижскому Донскому Посольству, стоявшему перед возможным признанием Версальским Конгрессом Дона самостоятельным государством, Харламовы телеграфно не приказали отказаться от домогательства этого признания.

Казачье-русские „патриоты“ упорно стараются выставить вольных казаков жаждущими нового пролития казачьей крови, а самих себя — оберегателями их жизни. Это — с больной головы на здоровую! Нечестная, лицемерная, демагогическая игра со словом кровь!

Казаки прекрасно знают, как эти „оберегатели“ казачьей жизни в свое время со спокойной совестью убивали, вешали выдающихся казачьих деятелей, не один десяток тысяч казаков посылали на смерть за „Русь святую“, на войну против всего русского (великорусского) народа, для добывания имений помещикам, министерских постов и иных высоких положений интернациональным русским „патриотам“, которые снова жаждут повторить свой кровавый „опыт“.

Они не понимают, что „не самостоятельность мелких народов, а нивелирующий и не считающийся с жизнью русский национализм является ныне разрушительной идеей“.¹ Они не задают себе во-

¹) Станкевич. Судьбы народов России.

проса: „Почему маленькая Финляндия не требует для обеспечения от России Петербурга, а громадная Россия для обеспечения от возможной опасности со стороны Финляндии требует всей Финляндии“.¹

В самом деле, почему? Почему для безопасности России ей непременно нужна, например, маленькая Грузия?

Казаки поймут и верно рассудят, где больше крови — в завоевании-ли Москвой осознавших себя и самоопределяющихся народов, или в мирном сожительстве, со-существовании этих народов рядом, а не в неволе у русского народа, в постоянной угрозе неизбежного восстания и взрыва этих народов.

Вольное Казачество не крови, а мирного, лучшего будущего для Казачества жаждет! Если прольется казачья кровь, то прольют ее русские „патриоты“ вкупе и влюбе с казачье-русскими „патриотами“, шипящими ненавистью к свободному, независимому Казачеству!

Каковы же внешние причины, содействующие осуществлению казачьей независимости?

Во-первых — дух эпохи, все больше и больше проникающий в сознание человечества и все глубже и стремительнее захватывающий мысль и думу подневольных народов лозунг: „Самоопределение малых народов“, в сочетании с интересами, так называемых, великих держав. Недалеко время, когда Казачество найдет свое признание в международном сознании и поддержку в защите своих справедливых интересов и прав.

В первую очередь такую поддержку Казачество найдет, конечно, у тех народов, которые недавно освободились от Москвы и которые имеют основание бояться нового похода на них со стороны Москвы.

Недаром русские „патриоты“ в эмиграции так беззастенчиво выявляют злобу и ненавистничество по адресу этих стран и особенно Польши. Вольное Казачество решительно отвергает подобное настроение и такую политику. Казаки знают тяжелый крестный путь польского народа, на земле которого прошла Мировая война, принеся хозяйственное разорение и нечеловеческие страдания. Русской интеллигенции, буржуазии, разлагавшейся в тылу, все это может быть непонятно, но казакам, все это видевшим и в силу необходимости, как участникам войны в составе русских армий доставлявшим ему страдания — это понятно и незабываемо.

Польша, как и Казачество, есть славянская страна, освободившаяся в большей своей части именно от московского владычества, как и другие страны: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва.

¹) Ibid, стр. 348.

Все эти народы будут естественными союзниками народов, стремящихся к освобождению от Московского ига. Эти государства кровно заинтересованы в том, чтобы и другие народы, ныне задыхающиеся под игом красной Москвы, освободились и возродились, что явится непреодолимым препятствием на пути воинствующей Москвы и верным залогом будущего мирного сожительства всех освобожденных, свободных от великодержавного московского ига, народов.

Мировое сознание постепенно и медленно, но верно приближается к своей цели — созданию справедливых условий человеческого общежития.

Сознание русских „патриотов“ окостенело на определенной мертвой точке и застыло на ней: была Великая Россия, диктовавшая миру свою волю, подчинившая себе десятки народов и она должна быть, несмотря ни на что!

Не трудно предрешить, кто победит.

Кровные интересы народов, томящихся еще под большевистским сапогом, государственно-политические интересы народов, недавно освободившихся от московского порабощения, дух современной эпохи и даже политика великих держав, все это вместе взятое, помогут и Казачеству осуществить свою независимость.

Вольное Казачество этому верит!

Шамба Балинов.

„ДОНСКИЕ ИСПАНЦЫ“.

Убаюкивал ген. Богаевский донцов на Родине, десятый год убаюкивает и за границей и устно и письменно. Журчит, как скромный ручеек. Тихая, елейная речь, расплывается в сладчайшей улыбке лицо — и успокаивается взбаламученная казачья совесть, падает под гипнозом сладкогласия законный народный гнев.

Но вот, на десятом году, тихо журчащий ручеек вздыбился и заговорил гневным голосом вздувшегося потока. Послышался гром, засверкали молнии на страницах „Возрождения“ в статье ген. Богаевского: „Казачество и «самостийность»“ (№ 1522).

Что случилось, что нарушило парижский сон ген. Богаевского? Что согнало блаженную улыбку со сладко счастливого лица почившего за границей на „блестящих“ лаврах донского „отца и вождя“?

Было время — да и сейчас еще не прошло, — когда поносили и смешивали с грязью казачье имя, „чехвостили“ казаков изменниками и предателями; были моменты — еще не изжиты и до сего дня, — когда казаки должны были скрывать свое имя, дабы получить какую-либо несчастную рубашу или просто нужный документ от русских организаций. Гнали и позорили казаков. Казалось, тут и нужны были громы и молнии со стороны „отца-атамана“. Но не только грома, но и сладкогласного журчания ручейка не слышали казаки в свою защиту. Молчание — знак согласия, и „батька“ Богаевский молчаливо одобрял плевки, брошенные в славное, измученное глубочайшей трагедией, казачье лицо.

И так, что же, в самом деле, нарушило тихое, безмятежное „житье“ отца-атамана?

Вольное Казачество, видите-ли, затронуло личное благополучие ген. Богаевского — денежный вопрос и другие его „подвиги“. А кто знает его, тот знает и то, какой максимум упорства, настойчивости, энергии и мстительности способен проявить этот человек, раз дело касается его „личных“ интересов. Замолкло тихоструйное журчание, летят громовые стрелы во врагов:

„изменники, предатели, бездарные статейки“ и т. п. Для него в борьбе все средства хороши: и клевета, и провокация, и передержка. И как все неубедительно и убого!

„Он (Быкадоров), — говорит Богаевский, — „был отличный боевой офицер, и глаз у него выбит и неоднократно ранен и окончил академию по 2 разряду.“¹ При чем тут разряд? Но ген. Богаевскому нужен этот детский прием, за неимением лучшего, для нанесения булавочного укола.

В сущности, ген. Богаевский повторяет то же, что сказали г. г. Варшавский в „Возрождении“ и Мейснер в „Последних Новостях“. Это трогательное единение казачьего „батьки-атамана“ с „казаками из центра“ не случайно. Какие то центробежные силы всегда влекли Богаевского в сторону от Казачества. Силы эти во вкусах, психологии, в миросозерцании его. Если при-смотреться к его практике, мы увидим, что он не только чужд Казачеству, но прямо ему враждебен. Чем иначе объяснить его практику назначения на ответственные посты в донском правительстве лиц, к Казачеству не принадлежащих и порой ему определенно враждебных. Управляющий финансами и одно время председатель Правительства Коржиневский, Управляющий отделом юстиции Захаров, секретарь правительства Решетовский — не казаки. Продолжается эта система и в эмиграции — представителем Донского атамана в Чехословакии был назначен Маракуев, директором Донского Кадетского корпуса в Сербии ген. Перрет, атаманский шурин, с рвением великих инквизиторов вытравливающий все казачье из душ, попавших в его руки казачат.

Творить казачью идеологию, воспитывать идейно Казачество, в качестве редактора официального казачьего органа „Казачьи Думы“ был призван некий Пинус, то же из стана казаков вроде г. г. Мейснера и Варшавского. К этим людям у ген. Богаевского особая страсть — „род недуга“. Пинус — воспитатель и вдохновитель Казачества! Это, разумеется, не дурно — так же, как если бы служить обедню в православной церкви поручили еврейскому раввину или турецкому мулле. Наконец, назначение заведующим делами казаков-беженцев ветеринара, а теперь и хранителем атаманской булавы.

Одно лицо из петербургских интеллигентских верхов как то назвало ген. Богаевского „Донским Испанцем“. На недоуменный вопрос означенное лицо ответило: „До войны, видите ли, нередко можно было встретить за границей русских людей, скрывавших свою национальность и называвших себя испанцами, или кем либо еще. За ними так и укрепилась кличка «русских испанцев».

¹) Быкадоров окончил академию генер. штаба по первому разряду. (Ошибся Богаевский?).

Ваш Богаевский, служа в Петербурге, всегда скрывал свое казачье происхождение, вот он и есть «Донской Испанец»“.

К несчастью для Казачества ген. Богаевский является не единственным „испанцем“. К числу их нужно отнести и тех казаков, которые „мирятся в силу необходимости“ со своим казачьим происхождением, но считают себя прежде всего русскими, духовно порвали с Казачеством и свой российский блуд выдают за казачью идеологию, свои личные интересы, или интересы русских политических партий, в которых они являются служащими, за интересы Казачества.

„Испанизм“ ген. Богаевского проходит красной нитью по всей его деятельности; им объясняются такие курьезы, как назначение бердичевского „казака“ Пинуса творцом казачьего символа веры и др. назначения чужих для Казачества лиц на ответственные и даже на государственные посты во Всевеликом Войске Донском.

Член правительства Деникина проф. Соколов, в своей книге, осуждая независимую политику атамана Краснова, говорит, что, с приходом к власти ген. Богаевского „Донское Правительство сделалось ручным“. Разумеется, от „Донского Испанца“ иного и ожидать нельзя: он готов поклониться Казачеством кому угодно.

Тем же „испанизмом“ пропитана и упомянутая выше статья ген. Богаевского. Постараемся ответить исчерпывающе на все вопросы, затронутые им.

И раньше, путем злостных инсинуаций, ген. Богаевский стремился всячески опорочить деятельность Вольного Казачества, а теперь уже открыто обвиняет в предательстве ради денег. Обратимся к фактам.

Да, Вольное Казачество поставило себе целью освобождение своих Краев от большевицкого ига и образование из них независимого государства. Ту же цель ставит себе Грузия, Горцы Кавказа, Украина; такое же движение существует в Туркестане, Сибири.

За 10 лет пребывания за-границей мы убедились, что все рецепты освобождения России от большевиков, выработанные эмиграцией, безнадежно провалились. — Впрочем, дальше пустой болтовни русская эмиграция и не шла.

Надеждам на свержение тирании путем внутреннего революционного взрыва оправдаться не суждено.

Простое человеческое чувство перед нашей совестью ставит вопрос, не совершили ли мы тяжкого преступления, не сделав ничего в течение десятка лет в пользу освобождения Родины? Ответ может быть только один — да, мы виновны и не заслуживаем снисхождения, ибо пассивно созерцаем гибель тысяч и тысяч жизней в руках советских палачей, не делаем ничего для облегчения страданий наших родных там, на Родине.

Мы стали на путь освобождения наших краев при помощи при-

вращения иностранных сил и средств. Мы стали на путь искания союза и взаимной поддержки с народами, жаждущими освобождения и устройства независимой государственной жизни — с украинцами, грузинами, горцами и др., кто стонет в московской неволе. Мы отвергли российские эмигрантские группировки всякого цвета — от белого до красного, — возглавляемые Кутеповыми, Милюковыми, Керенскими и прочими, кого выбросил за ненадобностью сам же русский (великорусский) народ.

В истории нет примеров, когда бы народ получал освобождение от чужого ига, осуществлял свое государственное бытие без иностранной помощи в том или ином виде. Если это бывало, то осуществлялось путем ухода на новые, свободные земли. Но Казачеству с своих территорий уходить некуда, да и незачем. — При помощи иностранных сил освободилась Греция, Болгария, Сербия, Румыния, Чехословакия и т. д.

Впрочем, не будем далеко ходить за примерами. Обратимся к недавней борьбе Казачества в 1918—19—20 годах, и мы увидим, что Вольное Казачество ничего нового не изобрело. Разве в борьбе 18 года Донское Казачество не пользовалось оружием и аммуницией от немцев? Разве не приветствовало оно в некоторых станицах полки вчерашних врагов, немцев, как освободителей? Не пользовалась ли Добровольческая армия теми же немецкими средствами, получая их через ген. Краснова? Разве казаки не писали в своих приговорах: „пусть немцы помогут нам освободиться от большевиков — мы отдадим им половину нашего имущества“?

Так думали донцы, так думал Войсковой Круг, Атаман Краснов, так думал и ген. Богаевский — думал и делал, будучи Председателем Донского Правительства.

А в 1919—20 г., уже в атаманство Богаевского, не чужеземными ли средствами продолжалась борьба, не средствами-ли англичан и французов? И не ждали-ли казаки, в том числе и ген. Богаевский, с тоской и надеждами иностранной живой силы?

Итак, метод привлечения и использования иностранных сил и средств освящен желанием Казачества, утвержден Законодательным учреждением и вменен в исполнение Атаманам и Правительству, каковыми и проводился в жизнь до выхода за границу, где г.г. Богаевские, очутившись вне пределов досягаемости и обладателями огромных казачьих денежных средств, наплевали на свой долг перед Казачеством и отказались не только от указанного, формально и морально обязательного метода борьбы, но и от всякой борьбы, т. е. предали и Родину и свой народ.

Что же делает Вольное Казачество?

Оно пытается провести в жизнь одобренный всем Казачеством и законодательными органами его спо-

соб борьбы для освобождения своей Родины, т.е. применяет метод привлечения и использования иностранной помощи.

Только глупость, или явная недобросовестность могут назвать работу Вольного Казачества предательством. После всего сказанного мы титул изменника и предателя возвращаем его автору, А. Богаевскому, который может носить его с полным правом до смерти за свою „деятельность“ и, несомненно, под этой маркой он займет свое место в истории Казачества. В подкрепление права ген. Богаевского на этот титул, кроме указанного выше, приведем еще несколько фактов.

Как известно, ген. Богаевский был очень обласкан Императором Николаем II и зачислен в свиту. Для посредственного генштабиста в то время это была великая награда. Военными подвигами он на войне, как известно, не отличался. Будучи в Константинополе в 1921 г., ген. Богаевский шлет своего эmissара к некрасовцам — с письменным обращением, в котором обдаёт своего благодетеля, покойного Государя, невероятной грязью. Любопытно, что некрасовцы, простые люди, удивительно тактично указали Атаману на всю неуместность его выходки. — В 1918 г. Донской Атаман Краснов выдвинул Богаевского в верхи Донской администрации, назначив его председателем правительства, положив этим начало его политической карьеры. А в это время ген. Богаевский вел закулисную игру, находясь в общении и присутствуя на совещаниях „оппозиции“, чтоб свалить Краснова и занять его место. В это время в руках оппозиции оказывается копия секретнейшего письма ген. Краснова, извлеченного из Иностранного отдела, которым ведал ген. Богаевский, письма, являвшегося главным орудием борьбы против Краснова.

Заменив Краснова на атаманском посту, Богаевский с удивительным усердием, при всяком случае, обливает грязью своего предшественника и покровителя. В Крыму — на Войсковом Круге, в Пловдиве — на Общеказачьем с'езде, в пленарных заседаниях, не стесняется, между прочим, квалифицировать Краснова, как сумасшедшего, делая экскурсии даже в область его родословной: треплет память его отца и пр. Гнусные минуты пришлось переживать слушателям!

При Новороссийской эвакуации казачьи корпуса и дивизии были брошены на берегу моря на с'едение красным. И какие войска! Это был цвет Казачества. Самые честные, самые мужественные, те, которые дрались до последней минуты, под прикрытием которых эвакуировалось все тыловое „барахло“. И „батяка-атаман“, казачий „вождь“ пальцем о палец не ударил для их спасения. И к предательству ген. Деникина присоединил и свое.

Комфортабельно расположившись на пароходе, с ангельской

улыбкой умыл руки в той страшной трагедии, которая разыгрывалась на берегу — вместо того, чтобы, как подобает вождю, стать во главе армии и вывести ее из беды (пути для того были), или разделить ее участь.

В Крыму, в Евпатории, Донской Круг случайно узнал вечером, что на следующий день назначена эвакуация — посадка и отход в тот же день пароходов.

Президиум по телефону спрашивает атамана (в Севастополе), какие меры приняты для эвакуации Круга и получает ответ: „идите в Севастополь“. Разговор был в 8 час. вечера. Завтра посадка и отход — расстояние 60 в. Атаман прекрасно знал о невозможности достать подводы и прибыть во время, и отлично понимал, что, отчаявшись на эту попытку, Круг дорогой неминуемо попадет в руки красных. Только благодаря любезности адм. Клыкова Кругу удалось выехать из Крыма, будучи посаженным в Евпатории, и дьявольский план — отдать Круг на расправу красным — провалился. Это ли не предательство?

Присвоив себе заграницей атаманскую власть (срок ему окончился 12 февр. 1922 г.) еще при живом Круге, захватив огромные донские средства, ген. Богаевский растоптал Конституцию, которой присягал, оставил всякую мысль о борьбе за Родной Край, бросил на произвол судьбы казаков-беженцев, а казачью вооруженную силу передал „на откуп“ ген. Врангелю, а теперь ген. Кутепову.

Ген. Богаевский обвиняет Вольное Казачество, что оно получает иностранную помощь. Вся эмиграция существует и ведет свою работу, благодаря иностранной поддержке. В чем же дело? Не в том ли, что такую поддержку ген. Богаевскому никто не оказывает и не окажет, имея для того вполне достаточные основания?

Мы идем к цели, завещанной нашими отцами и братьями, павшими во имя любви к свободе в степях Дона, Кубани, Терека, идем путями, одобренными Казачеством, узаконенными Кругами и Радами и вмененными к обязательному исполнению всем, в том числе и Богаевскому.

В. К. выполняет долг перед Казачеством. Но да позволено будет спросить ген. Богаевского, какими путями он шел в течение 10 лет, что им сделано и на что истрачены средства, которые вывезло Донское Правительство за границу? Использовал ли он их по их прямому назначению — на дело борьбы за Родину и на устройство донцов за границей? А средства были огромные. Назовем некоторые категории: 1) процентные бумаги на 900 миллионов рублей по номинальной стоимости. Если считать по 1 франку за сотню, это составит 9 миллионов фр., положить 10 фр. за сотню, получится 90 мил.; а бумаги котировались по

20-25 фр. за сотню. Так называемый китайский золотой заем продавался на Константинопольской бирже по цене в $2\frac{1}{2}$ —3 больше. Все процентные бумаги реализовались в Лондоне, Париже, Константинополе, и составили огромную цифру во французской валюте. 2) Так называемая Мамонтовская „добыча“, состоявшая из драгоценных вещей, учесть которую нет возможности, распроданная в Константинополе. 3) Запасы товаров, на очень крупную сумму, заготовленные в Константинополе для обмундирования и снаряжения Донской армии и впоследствии там же ликвидированные Донским Правительством. 4) Несколько пароходов с сырьем, посланные в Константинополь, для получения иностранной валюты. 5) Пароход „Феофани“ и моторные катера. 6) 3 тыс. пудов серебра, проданные по заявлению ген. Богаевского за 18 мил. болгарских лев. 7) Кроме того Донское Правительство обладало разной валютой, точную цифру которой определить не представляется возможным.

В общей сумме донские капиталы составляли огромную цифру, на которую возможно было вести работу по организации сил и средств, для освобождения своих Краев и оказать разумную и солидную помощь донскому Казачеству в деле его устройства за границей. Предлагалось, например, арендовать в некоторых странах расселения донцов землю, снабдить их инвентарем, с тем, чтобы хозяйство велось под контролем правительства. Идея разумная, вполне выполнимая и для казаков благодетельная. Богаевский рассудил иначе. Еще будучи в Константинополе, он решил, что карта Казачества бита, что борьба проиграна, что возврата на родину нет. Это убеждение определенно сказывалось во всем его поведении и в игнорировании Войскового Круга, в мерах принятых для распыления его, в пренебрежительном отношении к казакам-беженцам и в присвоении власти Донского Атамана. Отсюда логически вытекала и судьба донских ценностей. Переведя их на валюту, он присвоил деньги и положил их в банк на свое имя и близких ему лиц. Итак, донских средств не стало, есть собственные ген. Богаевского. Не так давно один старик-казак, тяжело больной, за неимением средств на лечение, обратился за помощью к Богаевскому. После долгих колебаний последний дал ничтожные средства старику и заявил: „Войсковых средств больше нет, я даю Вам из собственных; к такому то времени Вы мне возвратите“. Мы отлично знаем, что ни у Богаевского, ни у семьи его, кроме жалованья, никаких средств не было.

Старик-казак вскоре умер потому, что не имел средств своевременно сделать операцию. Бился этот старик с 2 сынами в рядах армии против большевиков, потерял сыновей, жену, дочь. На старости лет остался бобылем, на седьмом десятке таскал ше-

стипудовые железные плиты и беспомощно погиб с проклятием Богаевского и тех, кто его „деяния“ поддерживает. А сколько таких стариков живет в муках, сколько детей и женщин наживает туберкулез в непосильном труде, в тяжелом труде, в нищенских условиях в то время, как Богаевский с чадами и с Мельниковым благоденствует и раз'езжает по курортам, как знатный иностранец!

Большевицкая революция сделала несчастными многие миллионы. Богаевскому и его окружению принесла неожиданное счастье. Мог ли бедный казачий офицер, существовавший на жалованье, мечтать о независимой беспечальной жизни в Париже, раз'езжать по заграничным курортам, как богатый французский рантье? Судьба послала ему средства, и невозможное стало фактом.

И этот человек позволяет себе обвинять в предательстве людей, выполняющих свой долг перед Родиной?

И при наличии такой „деятельности“ ген. Богаевский еще смеет грозить судом Вольному Казачеству, стоящему на пути выполнения своего долга перед многострадальной Родиной!

Каким судом грозит Богаевский? Есть, ведь, суды нормальные, действующие на точном основании писаных законов, а есть суды, действующие по прихоти ген. Богаевского.

Об одном из таких судов, ярко характеризующим правопонимание и моральную физиономию ген. Богаевского, мы считаем необходимым поставить казаков в известность.

В 1921 г. в Константинополе между Председателем Сельско-Хозяйственного Союза войск. ст. Дудаковым и Атаманом Богаевским возникли недоразумения по совершенно частному поводу — по вопросу об отправке казаков в Балканские страны на работы. Считая себя оскорбленным, Атаман Богаевский предает Дудакова офицерскому суду чести 3 Донской бригады. Последний усумнился в своей компетенции, приняв к сведению заявление Дудакова, что он офицерскому суду чести не подлежит, ибо, как беженец, находится в гражданском состоянии и, как член Круга, может быть предан суду только по постановлению самого Донского Круга. Кажется ясно, но ген. Богаевскому законы не писаны и 30 июля 1921 г. за № 1656 он предписывает Командиру бригады: „Предлагаю суду чести вверенной бригады все же рассмотреть дело войск. ст. Дудакова... В виду отсутствия в Осн. Закон. Всевел. В. Донского прямых указаний на то, какой суд может решить вопрос об оскорблении главы войска членом Войск. Круга, я предаю войск. ст. Дудакова суду чести организованной строевой части... Как глава Донского Войска и Армии беру на себя ответственность за не вполне точное применение инструкции о суде чести.“ В этом деле все хорошо, но предание члена Донского парламента воинскому суду чести и „не вполне точное

применение инструкции“ прямо великолепно. Разумеется, после такого предписания Атамана бедным членам суда ничего не оставалось, как в угоду начальству присудить Дудакова к разжалованию в рядовые.

Единственный пример — за существование всех армий во все времена — присуждения судом чести к разжалованию в рядовые.

Любопытно знать, возможно ли у зулусов такое „не вполне точное применение закона?“ Не подобному ли суду намерен ген. Богаевский предать деятелей Вольного Казачества? Возможно. Но мы думаем о другом Суде — о законном суде нашего народа, пред которым Вольное Казачество предстанет с чистой совестью, с сознанием исполненного долга и в приговоре не сомневаемся.

Ген. Богаевский ярый противник самостийности по основаниям иногда наивным, иногда невежественным, вытекающим из полного незнания быта и экономики Казачества. Прошное „благоденственное житие“ Казачества представляется ему в таких упрощенных формах, в каких его представляли „петербургские казаки“ и московские опекуны. Впрочем, от „донских испанцев“ ничего иного и требовать нельзя. „Не один век — говорит ген. Богаевский — верой и правдой служили казаки России, расширяя и охраняя ее пределы. Много крови казачьей пролилось во всех войнах ее, и недаром русские цари пожаловали нам много благодарственных грамот и других знаков своего внимания и уважения“. Чем не исчерпывающая картина райской жизни: проливали кровь, расширяли границы, получали грамоты!.. А знает ли Богаевский, как губительно физически отражалась на Казачестве начертанная им райская жизнь, сколько страданий, разорений, несправедливости терпело оно за свою честную самоотверженную службу?

Одной рукой писались эти ласковые грамоты, а другая протягивалась к казачьему горлу, к исконным правам и вольностям. За верную службу были уничтожены Войсковые Круги и Рады, а традиционное самоуправление было заменено правами раз в год вынести на парад из собора старые регалии и царские старые штаны. За обильно пролитую кровь, „в воздаяние заслуг“, в 1870 г. манифестом Александра II отбирается у казаков огромное количество наилучшей земли для наделения штаб, обер-офицеров и чиновников; три миллиона десятин земли изъеются из хозяйственного оборота донского казачества и обращаются под коннозаводство для „общегосударственных“ нужд — в то время, как Казачество начало страдать во многих станицах от малоземелья, ибо в некоторых станицах паевой надел доходил до 5 десятин на мужскую душу (с 17 лет).

Казак обязан был 20-летней военной службой за собственный счет, из коих 2 года в подготовительном разряде, 4 в полках, и остальные во второй, третьей очередях и в запасе. Все это

время он обязан был содержать в исправности коня, обмундирование и снаряжение. „Донские испанцы“ не знают трагедии, которая скрывалась за этим коротким термином: — „двадцатилетняя служба“ за собственный счет. Надел в 5 десят., которым казак владел пожизненно, стоил бы 400—500 р. в собственность, казак же на одну „справу“ на службу в первоочередной полк затрачивал 300—400 р., а каковы были затраты за 20 летнюю службу? Только каторжный труд целых семейств позволял — и то не всем — сводить концы с концами. А какой это был труд — „донские испанцы“ не имеют, конечно, и представления. Достаточно сказать, что пришлые из России рабочие долго такого напряжения в работе не выдерживали. Мы нигде не видели, чтобы женщины косили, а на Дону это было нередкость; там казачка выполняла все мужские работы.

Иначе и нельзя было: муж отвлекался военной службой, а когда кончал ее к 40 годам, то в то время нужно было снаряжать на службу сыновей. Так непрерывно вертелось это проклятое колесо. Вот почему казачка, физически сильная от природы, в 40 лет казалась старухой, а казак в 50 лет считался не достаточно способным к труду и ему оставляли одного из сыновей для ведения хозяйства — „в кормильцы“.

Известно, наверно, и „донским испанцам“, что казаки истари пользовались правом свободной винной торговли. Практически правом этим пользовались станицы, доход от этой торговли шел на станичные нужды. В конце девяностых годов введена была винная монополия и станицы лишены были необходимых средств. Российская казна извлекла новый доход с Донской области в 12 мл. рубл. ежегодно, войску же, в виде компенсации, из этого уделено было всего 1 мл. р. и то, как „царская милость“ в виде сторублевого пособия казаку при выходе в первоочередной полк. Не о подобных-ли милостях и грамотах вздыхает ген. Богаевский?

Вот такая райская жизнь была наградой казакам за „их многовековую службу верой и правдой, за пролитую кровь, за расширение границ.“ Но этого мало. Центральная власть преступно использовала Казачество для жандармско-полицейских целей при подавлении рабочих и крестьянских беспорядков, вызвав страшный гнев и ненависть у русских масс против казаков, на чем умело сыграли большевики, за что Казачество так жестоко поплатилось...

Вольное Казачество находит, что трехвековое сожительство с Россией, кроме страданий, унижения и обид казакам ничего не принесло. Довольно быть зятьями, пора казакам начать жить самостоятельно и работать для себя!

Богаевский не признает за казаками исторического права на самостоятельное государственное существование. „Кровно связанные — говорит он — происхождением, верою, языком с рус-

ским народом... казаки никогда не считали себя чужими в России, не стремились к полной независимости." Утверждение голословное, ничем не подкрепленное, чем, впрочем, всегда отличаются писания и речи ген. Богаевского.

Совсем другое говорит история. Желая проверить это, предлагаю прочитать документальный труд проф. С. Г. Сватикова: „Россия и Дон“, являющийся официальным трудом, изданным на средства Донского Правительства.

Казачество на протяжении веков не забывало о своем прежнем независимом государственном существовании, о своих вольностях и боролось за их сохранение. Движение Степана Разина, восстание Булавина, некрасовщина, казнь полк. Грузинова и многие мелкие вспышки доказывают, что воля к свободе, воля к борьбе против Московского засилья в Казачестве не угасала.

Даже Богаевский признает, что „не всегда отношения между казачеством и российской властью были мирны и спокойны. Были серьезные причины к недовольству... приводившие к тяжелым столкновениям.“ Но, признав это, как и подобает „Донскому Испанцу“, ген. Богаевский расшаркивается перед Москвою и объясняет исторические казачьи стремления к самостоятельности честолюбием отдельных лиц — казачья де масса была чуждой этой тенденции.

Как будто расправа с московскими послами на Круге была делом единиц, или отказ от присяги Кругов, а также и народные движения Разина, Булавина, Некрасова? Но Богаевскому нужно угодить Москве, а для этого он не только готов извратить исторические факты, но и зачеркнуть всю казачью историю.

Воспоминания о старинных вольностях, стремление сбросить с себя московское иго, придушенные российской властью, продолжали существовать в глубинах казачьей души — были придушены, но не стерты. Кто жил среди казачьих масс (Богаевский же, к сожалению, не жил и не имел общения с Казачеством), тот знает это, тот наблюдал проявление этих чувств в многообразнейших формах повседневной жизни. Знала это и петербургская власть и до последнего момента относилась подозрительно к Казачеству, назначая атаманов и лиц высшей администрации из не-казаков. Пронесенная через два века в недрах казачьей души сепаратистическая тенденция ярко и самопроизвольно вспыхнула после революции. Никакая другая часть России и не подумала, а Казачьи Земли провозгласили себя самостоятельными государствами.

Ст. I Донской Конституции говорит: „Всевеликое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства.“

Примечательно, что провозглашение самостоятельности Дона,

явилось настолько естественным, что никого в народной казачьей толще не удивило, не вызвало никаких разговоров. Его приняли, как должное, так же спокойно, как восстановление традиционной власти станичных атаманов после первого изгнания большевиков.

Утверждения ген. Богаевского иногда бывают просто курьезны. Так, напр., он особенно часто ссылается на то, что во время существования Донского государства в 1918—20 г. не было партии самостийников. Правда, такой партии на Дону не было, но никогда и нигде ведь, очевидно, не было — на протяжении всей Мировой истории, — чтобы существовала в государстве партия независимости, раз государство существует и пользуется независимостью — это бы значило ломиться в открытую дверь. Не появилось бы и не существовало и в эмиграции Вольного Казачества, если бы донской Атаман был на страже конституции, исполнял данную Казачеству присягу и вел по этому пути Правительство и все Казачество. Ген. Богаевский присягал Донскому Государству и клялся защищать его до последней капли крови, но присягу растоптал и от Донской конституции отвергнулся.

Обращаясь к вопросу освобождения своих Краев, мы не можем не признать, что и с этой точки зрения линия В. К. совершенно целесообразна. Нужно прямо посмотреть в глаза действительности и честно сказать, что надежд на освобождение России от большевицкого ига в близком будущем нет. Все „водители“ и „пророки“ безнадежно провалились в своих предсказаниях. Все методы борьбы, которые, впрочем, ограничивались словесностью, оказались недействительными. Расчеты на изживание большевизма, на взрыв изнутри русского народа, нужно считать, на основании 10-летней практики, отвергнутыми действительностью. Русский народ принял большевизм по доброй воле и за двенадцать лет существования советской власти никакими проявлениями массовой активности не показал своего отрицательного к ней отношения. Или он ее усвоил, или рабски покорился и будет ее выносить, как выносил сотни лет татарское и помещичье иго, пока советская власть не отвалится сама, как отваливается штукатурка от старых стен. Только на окраинах — в Белоруссии, в Украине, в Казачьих Землях, в Туркестане, на Кавказе и в Сибири — ненависть к советской власти, воля к избавлению от ее ига проявлялись и проявляются в активных выступлениях.

От надежд на иностранную интервенцию в пользу восстановления „Единой Неделимой“ отказались даже самые ярые поборники этой идеи, ибо единая Россия иностранным державам не нужна, как не нужна и всем народностям бывш. России, и восстановление ее не соответствует их политическим тенденциям.

Но государства Западной Европы, да и всего мира, заинтересованы в приобщении наиболее живых частей бывш. России к международному хозяйственному обороту. Это понимание, хотя и медленно, но определенно внедряется в политическое сознание руководящих групп и лиц культурного света. Таковыми живыми организмами являются: Казачьи Земли, Украина, Белоруссия, Туркестан, Кавказ, Сибирь.

Нам говорят: „это расчленение Великой России“. Вольное Каз. отвечало и отвечает: Великой России, во-первых, нет, — она сама себя уничтожила, а во-вторых, — мы называем это освобождением многих десятков миллионов наших братьев, так невыносимо страдающих в большевицко-московском аду“.

Для Богаевского, Милюкова, Керенского, Гукасова и К⁰ нужна отвлеченная идея Великого Государства Российского, для нас — живые люди прежде всего; для них форма, для нас — содержание, ибо В. К. полагает: не люди для государства, а государство для людей; не человек для субботы, а суббота для человека.

Богаевский сомневается в возможности существования казачьих государств, как организмов недостаточно сильных. Иногда ему указывают на Болгарию, Бельгию, Грецию, Нидерланды и другие страны, меньшие Донского Войска, но он, признавая факты, с упрямством бабы, которая, утопая, продолжала делать пальцами знаки: „не стрижено, а кошено“, твердит одно: „да, это так, но самостоятельность никому не нужна“. Логика, достойная „Президента Донского“, как он любит себя называть! — Обратимся к фактам.

Все Европейские казачьи войска, с территорией в 870.000 кв. кл. больше каждого европейского государства. Количество населения войск Донского, Кубанского, Терского (около 14 м.) равняется Югославии, Чехии и в несколько раз превосходит мелкие европейские государства. Казачьи территории включают в себе неисчерпаемые естественные богатства: богатейшие залежи угля высокого качества, нефть, рыбные богатства и прекрасную плодородную почву. Они, кроме того, прилегают к теплым морям. Население казачьих земель мужественно, умственно развито, физически крепко, трудолюбиво, порядливо и веками приобрело навыки в самоуправлении. Вот вкратце те объективные данные, которые гарантируют в будущем процветание Казачьих Земель в условиях самостоятельного существования.

Отрицая возможность и целесообразность казачьей „самостийности“, Богаевский, в конце концов, блестящим образом сам себя опровергает, когда пишет: „На границах еще гремели пушки, а внутри областей уже шла горячая работа. Например, на Дону шла подготовка к открытию 8 высших учебных заведений и 300

нисших школ, сахарного завода, нескольких фабрик, устраивались шлюзы на Дону и Донце для улучшения судоходства, проектировались новые железнодорожные пути и т. д.“

Это было в 1918—19 г. г., в страшное время напряжения всех сил для борьбы за право на жизнь. И все же Дон добился в культурном отношении результатов, каких он не мог получить от российской центральной власти в течение столетий. Какое же может быть сомнение, что при самостоятельном существовании, при наличии неограниченных естественных возможностей, при духовных силах, заложенных в казачьем народе, нашим Краям не обеспечено блестящее будущее?

Современные принципы международных отношений глубоко разнятся от таковых же 17—18 ст. Ныне малые государства гарантированы от appetitов их сильных соседей, и напрасно Богаевский тревожится с этой стороны за судьбу будущих казачьих республик. Будучи признаны, они станут под защиту международных сил.

Ген. Богаевский признает, что в прошлой, совместной с Россией жизни, казакам было тяжело. Но он рекомендует историю зачеркнуть и смотреть только на будущее, ибо в будущем казачья жизнь, по его уверению, изменится к лучшему. Что это — наивность, или циничный обман доверчивых казаков? Обыкновенно оптимистические прогнозы ген. Богаевского не сопровождаются никакими обоснованиями — верьте де мне: я Донской Атаман — и конец.

Вол. К., как и всякий здравомыслящий человек, полагает, что историю зачеркнуть нельзя, что будущее есть всегда логическое следствие прошлого, как в жизни отдельного человека, так и целого народа.

Прошлое наше сожительство с Россией принесло нам много горя. И нет никаких оснований предполагать, что в будущем станет лучше. Сотни лет только одним росчерком пера не вычеркиваются из жизни народов. Казачество знает „упражнения“ над собой и монархической Российской власти, и демократической (Вр. Правительство), и коммунистической (Сов. власть). И кто бы ни пришел к власти — Миллюков-ли, Керенский, Марков II, — безразлично, Казачество будет взято за горло. И чем ни левее будет власть, тем опаснее для казаков, ибо практика центральных российских властей будет обуславливаться не только всем комплексом исторических их навыков, но и их партийными программами. Ген. Богаевский не хочет понять, что в глазах „левых“ казаки --- сословие, а сословия должны быть уничтожены, — следовательно, должно быть уничтожено и Казачество.

В будущей „Единой, Неделимой России“ казаки увидели бы еще больше горя, чем в прошлом. В эмиграции мы испытали на своей шкуре то обостренно-злое, звериное отношение со

стороны общерусских кругов и организаций, которое заставило многих скрывать свое казачье имя, дабы получить какой-либо нужный документ. Это наблюдалось во всех странах расселения нашей эмиграции.

Грань, в прошлом разделявшая Казачество и русский народ, после войны превратилась в пропасть, которую ничем не засыпешь. Русский народ и Казачество — совершенно различные стихии. В этом отношении что может быть показательнее слов Троцкого: „казачий фронт важнее немецкого“? В этих словах глубокий смысл. Троцкий опирался на русскую стихию, борющуюся с Казачеством, и своими словами подчеркнул глубокое различие между русским народом и Казачеством. И подчеркнул совершенно правильно, ибо великорусский народ, приняв коммунистическую власть, с невероятным увлечением и ожесточением навалился на Казачество только потому, что видел в нем врага большего, чем немцы. Думается, что если бы в борьбе с немцами проявлено было русскими подобное же воодушевление, то, несомненно, исход внешней войны был бы иной.

Столь же определенно признали разницу стихий казачьей и великорусской и Корнилов, и Алексеев, и те тысячи русских людей, которые, покинув свои родные, российские очаги, искали спасения от своего народа в Казачьих Землях. Спрашивается, почему они не бежали в Тамбовскую, Пензенскую, Рязанскую губернии? Они были уверены, что у казаков они найдут и порядок, и приют, и хлеб, и защиту, и дисциплинированность, государственно мыслящую массу, т. е. как раз то, чего, как они знали, нет в натуре великорусского народа.

Да, казаки имеют общий язык и общую религию с Россией. Не будем спорить и против утверждения, что казакам кровно родственен русский народ, как родственны и другие народы славянского происхождения. Расовые особенности — вопрос большой и сложный, и не здесь его разбирать. Но укажем на Сев. Амер. Соед. Штаты, население которых кровно связано с англичанами, говорит одним с ними языком, исповедует ту же религию, однако, социальные и психологические особенности, приобретенные в новых условиях, а главное — экономические интересы, т. е. необходимость избавиться от эксплуатации метрополии, заставили его отделиться от метрополии и образовать независимое государство, и от этого не проиграли. — Большая часть бельгийцев состоит из французов, а немцы швейцарские предпочитают оставаться швейцарцами. Указания ген. Богаевского на отсутствие естественных границ не выдерживают никакой критики, ибо при современной технике, ни горы, ни реки особых преград не представляют, да и между многими европейскими государствами этих естественных преград также нет.

Важнее границы этнографические и психологические, а они, как мы выше выяснили, у казаков существуют в ярко выраженном наличии. Важна отчетливая самобытность народа и воля к независимому устройству своей жизни.

Ген. Богаевского также весьма беспокоят финансы. Где казаки возьмут средства на восстановление своих Краев? По его мнению ни плодородная земля, ни трудолюбивое население, ни недра земли не дадут нужных для жизни казачьих государств средств. — „Остается заем — говорит ген. Богаевский. — А с ним — драконовские проценты, долги, налоги и дороговизна...“ Что это — святая простота, детское недомыслие, или преступное лицемерие?

А у „Единой- Неделимой“ будут средства, казна ее будет ломиться от золота? Разве для восстановления своего хозяйства, своей мощи, она не прибегнет к займу на тех же самых условиях, которые будут доступны и Казачеству? Но вот в чем существенная разница: казачий заем целиком пойдет на нужды казаков, будет способствовать быстрому возрождению их хозяйственной и культурной мощи, что несомненно позволит возможно скорее ликвидировать отрицательные последствия займа. Совсем другое получится, если Казачество будет в составе „Единой Неделимой“. Заем пойдет на общероссийские нужды, на фабрики и заводы Москвы, Петербурга и других городов, на Пензенские, Тамбовские губернии, а казакам достанутся крохи, падающие со стола господина. Оплата же долга, в пропорциональном отношении, ляжет, главным образом, на Казачество. И снова начнется старая лямка, еще более горшая при значительно ухудшившихся общероссийских условиях; снова в непосильном труде наша казачка-мать, богатырь-женщина от природы, к сороковому году будет превращаться в старуху. Эксплоатировала свои окраины центральная монархическая Российская власть, эксплуатирует советская, будет эксплуатировать любая, какая бы ни образовалась в „Единой Неделимой“.

Наконец, в качестве „жупела“ Богаевский выдвигает вопрос о крестьянстве. В. К. не думает проходить мимо этого вопроса. Оно знает, что в эпоху гражданской войны отношения между казаками и крестьянами были чрезвычайно обострены, но оно знает также, что главная причина их розни заключалась в различном отношении к большевизму. Большая часть крестьян казачьих областей была склонна к коммунизму, от которого она ждала великих и богатых милостей. В. К. имеет определенные данные, что „большевицкие иллюзии“ крестьянством давно и в чистую изжиты, что острых вопросов, резко разделявших две основные группы населения казачьих Краев, не только нет, но что все солидарны в общей ненависти к большевизму. Таким образом непреодолимых преград к урегулированию крестьянского

вопроса в Казачьих Землях не существует. Многое из того, что мы выше сказали, ген. Богаевский знает, но по тактическим соображениям или замалчивает, или извращает, прикрывая свой маневр по обыкновению слащавыми, но пустопорожними фразами.

Как человек, исключительно преследующий личные интересы, законченный тип с политическими убеждениями „защитного цвета“, Богаевский знает, что от Казачества им взято все, что можно было взять, что в будущем среди казаков он человек конченный, а потому он подготавливает себе карьерные возможности в общерусских кругах. Одной ногой — лично сам — он стоит в монархическом „Возрождении“, другой — через Мельникова — в „Последних Новостях“. Не имея никаких политических убеждений, ген. Богаевский наивно и в то же время цинично это подчеркивает. Отождествляя казаков с собой, он всегда повторял: „будет Россия монархией — будем служить монархии, будет республикой — будем служить республике“, будто участь Казачества и заключается только в том, чтобы вечно служить.

Вождь, не знающий по какому пути идти, глава народа, не имеющий определенных политических убеждений — какой жалкий, обидный факт для Казачества, всегда твердо знавшего, чего оно хочет и умевшего до конца защитить свой символ веры. Какое тяжелое возмездие судьбы Казачеству за то, что оно не берегло таких честных атаманов, как Каледин и Назаров, не слушало живых, а теперь готово продолжать слушать „мертвого“ ген. Богаевского потому только, что ошибочно когда-то наделили его титулом Атамана.

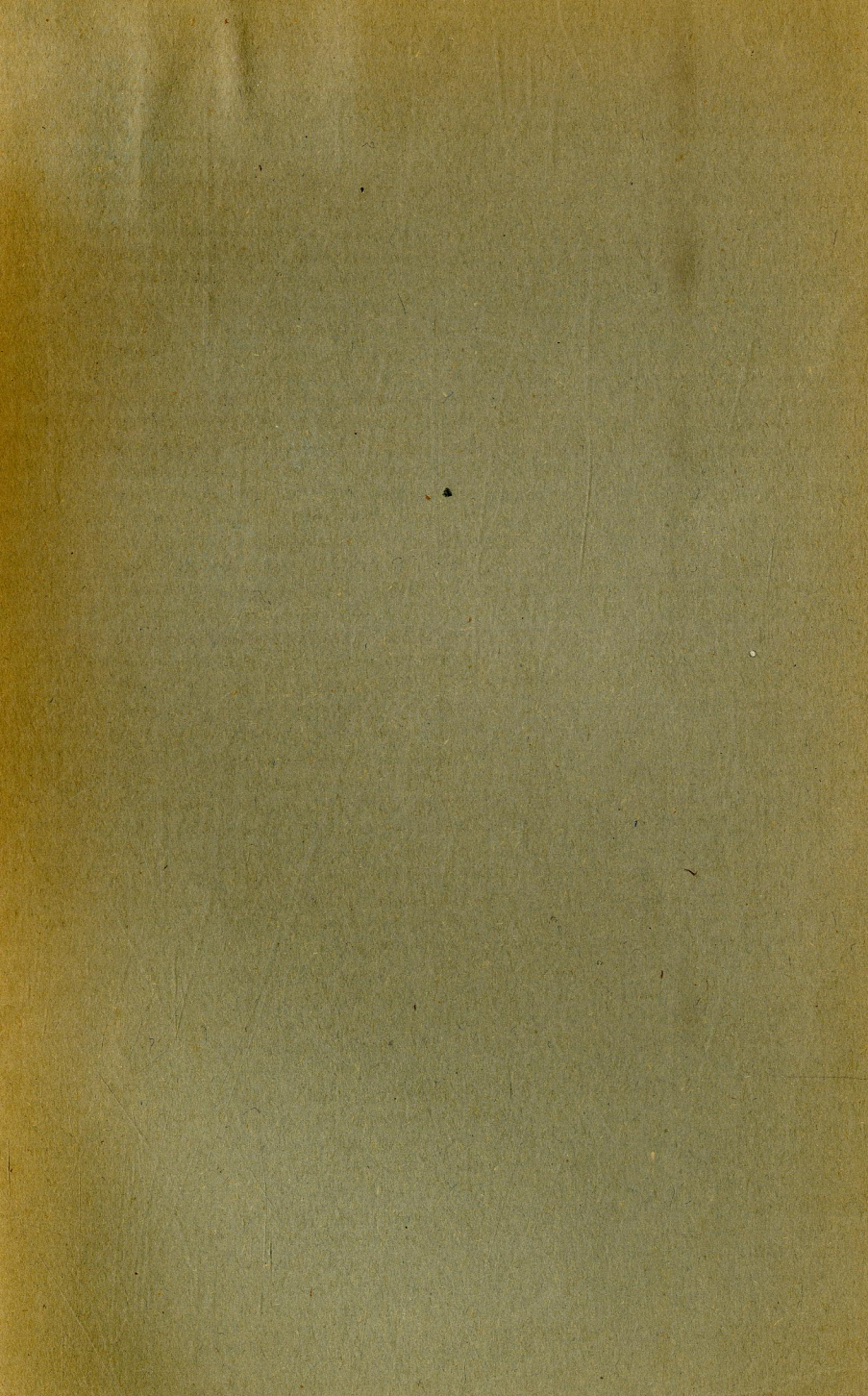
Мы сказали, что Богаевский взял от Казачества, что мог взять. Он устроился, как никогда ему не снилось в нормальной обстановке.

Может ли Богаевский при этих условиях желать свержения большевиков и восстановления нормального порядка? Нет. „Деяния“, только часть которых мы здесь назвали, столь крупны, столь вопиющи, что при всяком нормальном режиме ему и его сотрудникам придется, хочешь-не-хочешь, дать ответ перед судом и ответ серьезный. Не помогут тогда ни „сладкая улыбка, ни слащавый голосок“, ибо он, Богаевский, должен будет предстать пред судом и народом во всей своей непривлекательной моральной обнаженности. Нельзя будет остаться и за-границей, спрятавшись за политический характер „деяний“, ибо большинство этих „деяний“ порядка не политического.

Эти предпосылки обуславливают поведение „Донского Испанца“ за-границей, они же владели и его пером, когда он писал свою статью „Казачество и «самостийность»“.

Группа членов Донского Круга (Париж).

159 (1986)

Р
Л

4552

630

ОТЕКА ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА

ОТВЕТЫ ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА

I.

П Р А Г А 1 9 2 9

Издание Об'единения Вольного Казачества

Цена:

70 коп.

Чешскосл. кор. 4.—

Типография „Политика“ Прага.